

СЕЛЕНА МОР

ЧУЖИЕ ПИСЬМА ПАХНУТ МОРЕМ

ДОМ ПИСЕМ · ТОМ 1

Селена Мор

**Дом писем 1: Чужие
письма пахнут морем**

«Автор»

2026

Мор С.

Дом писем 1: Чужие письма пахнут морем / С. Мор — «Автор»,
2026

Она умеет писать признания за других. Но семь недоставленных писем заставят её впервые заговорить от собственного имени. Кира Снегирёва наследует старый гостевой дом у Балтийского моря, семейную тайну и встречу с Артёмом — первой любовью, которой когда-то не дала права ответить. За три сезона ей предстоит разыскать адресатов, услышать правду матери и решить, можно ли построить дом и отношения без спасительных чудес. Кира приезжает в Белую Дюну, чтобы продать бабушкин дом. Вместо быстрой сделки она находит семь недоставленных писем — и Артёма, которому сама когда-то не ответила. «Чужие письма пахнут морем» — первый том трилогии «Дом писем».

© Мор С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	41
Г	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Селена Мор

Дом писем 1: Чужие письма пахнут морем

Глава 1

В сообщении было четыре извинения и ни одного признания вины.

Кира убрала три. Четвёртое оставила в конце, хотя оно там плохо держалось: после двух абзацев о сорванных переговорах, невозможном расписании и неверно понятой заботе слово «прости» выглядело декоративной пуговицей. Вроде бы на месте, но ничего не застёгивало.

Она выделила фразу «я не мог поступить иначе» и нажала Delete.

— Это ключевая мысль, — сказал из динамика Павел Константинович.

Его лицо занимало правую половину монитора: тёмный пиджак, край белой рубашки, окно за спиной. На левой половине был открыт документ с названием «Алина_извинение_финал_7». Слово «финал» появилось в имени файла четыре версии назад.

— Ключевая для чего?

— Чтобы она поняла обстоятельства.

Кира вернула курсор к началу абзаца. На столе стояла чашка с холодным кофе, рядом лежал механический карандаш, которым она не воспользовалась ни разу. Клиентские тексты она правила на экране. Карандаш был для того, что нельзя было отправить другому человеку под его именем.

— Ваша дочь понимает обстоятельства, — сказала Кира. — Вы подробно изложили их ей в первом письме.

— Тогда почему она не отвечает?

Вопрос прозвучал не требовательно. Павел Константинович устал. Кира видела это по тому, как он держал очки: одной рукой за обе дужки, линзами к столу, хотя обычно во время созвонов складывал их в футляр. За два часа он успел признаться, что мог перенести переговоры, мог успеть на поезд, мог не говорить дочери, будто встреча была назначена внезапно. Не признался только в том, что каждый раз выбирал сам.

В правом верхнем углу экрана появилось уведомление: «Тамара». Телефон, лежавший возле клавиатуры, завибрировал следом, будто одного имени было недостаточно.

Кира перевернула его экраном вниз.

— Я не могу обещать, что она ответит.

— Я понимаю. Но текст для этого и нужен.

— Текст нужен, чтобы вы ясно сказали то, что готовы признать. Ответ — её часть.

Павел Константинович надел очки и посмотрел в сторону. Вероятно, там был второй монитор, помощник или выход из разговора. Кира не стала заполнять паузу. В бюро давно погасили верхний свет; над её столом горела одна лампа, и в тёмном окне отражалась комната: два пустых рабочих места, стеллаж с папками, белая доска с расписанными до пятницы заказами. За стеклянной перегородкой Дарья собирала сумку. Увидев взгляд Киры, подняла ладонь: пять минут.

Телефон снова завибрировал.

Тамара звонила редко. За восемь лет — одиннадцать раз, если не считать поздравлений, которые приходили сообщениями и не требовали ответа. Кира не считала специально. Просто цифры запоминались лучше, чем причины.

— Хорошо, — сказал Павел Константинович. — Что вы предлагаете?

Кира открыла новый документ. Чистый лист оказался ярче остальных окон.

— Одно предложение без обстоятельств. Что именно вы сделали?

— Я не приехал к дочери.

— Это результат. Что вы выбрали?

Он снова снял очки, теперь уже обеими руками.

— Я выбрал переговоры.

Кира напечатала: «Я мог приехать и выбрал работу».

Пальцы остановились над клавиатурой. Фраза была точной. От точности она не становилась доброй, зато переставала перекладывать решение на расписание, партнёров и транспорт.

— Дальше, — сказала Кира. — В чём вы солгали?

— Слово «солгал» обязательно?

— Нет. Обязателен факт. Слово выбираете вы.

За стеклом Дарья медленно опустила сумку на стул.

Павел Константинович провёл ладонью по лицу. На секунду он стал похож не на человека, который мог оплатить срочную работу бюро в полуторном тарифе, а на отца, обнаружившего, что взрослой дочери нельзя выдать улучшенную версию прошлого вместе с подписью и печатью.

— Я сказал, что переговоры перенесли на этот день утром. Мы назначили их за неделю.

Кира дописала второе предложение.

— Что вы готовы сделать сейчас?

— Приехать, если она разрешит.

— Без предупреждения?

— Нет. Если она разрешит.

— Тогда так и напишем.

Она собрала абзац из его слов. Убрала «всего лишь», «неверно расставил приоритеты» и особенно дорогую клиентам конструкцию «если я тебя обидел». Оставила: «Я обидел тебя». После неё поставила точку.

Телефон умолк. Кира заметила это сразу.

— Прочитайте вслух, — сказала она.

Павел Константинович прочитал. В первый раз сбился на слове «солгал» и начал предложение заново. Во второй дошёл до просьбы разрешить приехать.

— Получилось жёстко.

— Да. Зато без ложной причины.

— Вы всегда так пишете извинения?

— Только те, которые должны что-нибудь значить.

Это прозвучало лучше, чем следовало. Готовая реплика, пригодная для сайта бюро. Кира поставила курсор после последней точки и удержалась, чтобы не дописать смягчающий абзац.

— Отправляйте, — сказал он. — Пока я опять не начал объяснять.

— Отправить должны вы.

Она переименовала документ, убрав из названия цифру семь, и переслала файл на его адрес. Павел Константинович поблагодарил, задержался на связи ещё на секунду и отключился. Его место на экране заняла сетка рабочего стола.

За перегородкой Дарья открыла дверь.

— Ну что, теперь финал?

— Уже восьмая версия.

— Значит, никакой не финал.

— На этот раз он отправит сам.

— Тогда, может быть, финал.

Дарья поставила сумку возле Кириного стола и показала на перевёрнутый телефон.

— У тебя там было землетрясение.

— Всего два звонка.

— Я насчитала пять.

Кира взяла телефон. Пять пропущенных: два от Тамары, три с номера Валентины Петровны. Между ними — сообщение от матери: «Позвони мне, пожалуйста. Это о бабушке».

Восемь слов, включая «пожалуйста». Ни одного лишнего. Для Тамары это было почти неестественно.

Кира прочитала сообщение ещё раз.

— Что? — спросила Дарья.

— Ничего. Иди, я закрою офис.

Дарья не двинулась. Белый провод наушников свисал из наружного кармана её сумки; обычно она убирала его внутрь, чтобы не цеплялся за ручки дверей.

— Кира, посмотри на меня.

— Я перезвоню и закрою.

— Это вообще не ответ.

— Пока у меня другого нет.

Дарья смотрела ещё несколько секунд, затем приняла временный ответ коротким движением головы.

— Я буду внизу. Если через десять минут не выйдешь, вернусь и задам тот же вопрос громче.

— Это сейчас была угроза?

— Нет, просто расписание.

Дверь за ней закрылась. Кира положила телефон перед собой, точно предмет, полученный на экспертизу. Сообщение не менялось. «Это о бабушке» могло означать больницу, падение, очередной отказ соблюдать предписания врача. Елена Михайловна дважды за последний год сообщала о приступах уже после того, как возвращалась домой. На Кирино раздражение отвечала, что результат один и тот же, а значит, незачем было портить ей рабочий день.

Кира нажала на номер Валентины Петровны.

Та ответила до второго гудка.

* * *

— Ты одна? — спросила Валентина Петровна.

В её голосе не было ни приветствия, ни обычного фонового грохота кафе. Кира встала. Стул отъехал и ударился спинкой о тумбу.

— В офисе. Что произошло?

— Лена умерла.

На белой доске за стеклом было написано: «Ланской — речь, среда»; «Костровы — клятвы, четверг»; «Банк — колонка, пятница до двенадцати». Синяя линия делила срочные заказы и те, которые ещё можно было делать хорошо.

— Когда?

— Вчера утром. Во сне, как врач сказал. Я вчера тебе звонила.

Кира открыла журнал вызовов. Вчера в восемь сорок семь был неизвестный номер. Двенадцать секунд. Она вспомнила, как сбросила его перед встречей и отметила как нежелательный.

— Один раз.

— Я один раз и позвонила. Потом Тамаре. Думала, она скажет.

Валентина Петровна произнесла имя без нажима, но Кира всё равно услышала продолжение, которого не было.

— Почему ты не написала?

— Написала бы что? «Добрый день, твоя бабушка умерла»?

— Можно без «доброе утро».

— Кира, не правь меня сейчас.

Она подошла к окну. Внизу, на мокром тротуаре, люди обходили длинную тёмную лужу. Кто-то наступил в неё, не заметив, поставил мокрую ногу на бордюр и вытер носок ботинка бумажной салфеткой.

— Где она? — спросила Кира.

Валентина Петровна ответила. Кира слышала слова, но не удержала их. Медицинское учреждение, документы, завтра. Завтра было слишком близко. Между сегодняшним вечером и похоронами не помещалось ничего из того, что требовалось сделать.

— Повтори всё ещё раз.

На этот раз она открыла заметки и записала три строки. Без подробностей, которые требовали проверки и которых Валентина Петровна всё равно не знала точно. Время прощания ещё согласовывали. Документы были у Тамары. Ключи от дома — у Валентины Петровны.

— Почему документы у Тамары?

— Потому что она дочь.

— Я помню, кто она.

— Тогда не спрашивай так, будто я назначила.

Кира провела ногтем по торцу телефона. Чехол возле кнопки питания начал отходить — маленький серый заусенец цеплялся за кожу.

— Бабушка чем-то болела?

— Она была старая, Кира.

— Старость — это не диагноз.

— Я не врач. Давление прыгало, сердце. Последнюю неделю уставала. В субботу закрыла дом и легла раньше. В воскресенье не открыла мне на стук. Я вошла своим ключом.

Последнее предложение Валентина Петровна произнесла быстрее предыдущих. Кира представила не комнату и не кровать — ключ. Тот застрял бы в нижнем замке, его всегда нужно было приподнимать и только потом поворачивать. Бабушка запрещала менять механизм: новый блестел бы рядом со старой дверью.

— В субботу ты была с ней?

— Когда нашла — была.

— Я спрашивала не об этом.

— В субботу пили чай. Она ругалась, что я опять купила дешёвое масло. Значит, была. Кира закрыла глаза. В отражении окна это ничего не изменило.

— Я приеду.

Слова прозвучали раньше расчёта. Она сразу увидела всё, что им противоречило: завтрашние встречи, незаконченные тексты, папку банка, у которого не существовало родственников, болезней и права не выйти в срок.

— Когда? — спросила Валентина Петровна.

— Сейчас посмотрю билеты.

— Напиши, когда определишься. Встретим.

— Не нужно. Я возьму машину.

— Там на месте разберёмся.

Это «там» Валентина произнесла как место, в котором решения всё ещё принимались вслух и рядом. Кира вернулась к столу.

— В доме кто-нибудь есть?

— Я закрыла. Тамара была днём, взяла бумаги и одежду для Лены. Больше ничего не трогали.

— Тамара останется в доме?

Валентина Петровна помолчала.

— Лучше спроси у неё самой.

— Сейчас я спрашиваю тебя.

— А я не буду между вами телефонной станцией.

В обычный день Кира нашла бы в этом замечании избыточную образность: телефонные станции давно не соединяли двух упрямых женщин вручную. Сейчас фраза оказалась достаточной.

— Хорошо. Сколько у меня времени?

— Для чего тебе нужно время?

— Сколько осталось до похорон?

— Завтра после обеда, если всё подтвердят. Кира, тебе не надо приезжать идеально. Просто приезжай.

В коридоре выключился свет по таймеру. За стеклом осталось только отражение Кириной лампы.

— Я напишу номер рейса.

— Напиши, на чём будешь. И поешь.

— Валентина Петровна.

— Что ты хотела спросить?

Кира хотела спросить, говорила ли бабушка о ней в субботу. Хотела получить последнее предложение Елены — желательно точное, без пересказа, — и уже по нему решить, что имел в виду весь разговор. Вместо этого она спросила:

— Дом сейчас точно закрыт?

— Точно. Оба замка и ставни со двора.

— Спасибо, Валентина Петровна.

— Потом поблагодаришь, не за это.

Связь оборвалась. Кира осталась стоять с телефоном у уха, пока экран не погас.

Она села и открыла сайт с билетами. Поля требовали простых вещей: город отправления, город прибытия, дата, количество пассажиров. Ни одно не нуждалось в объяснении.

Москва.

Калининград.

Сегодня.

Один пассажир.

* * *

Дарья вернулась через девять минут. Кира не засекала, просто успела выбрать билет, трижды проверить дату и открыть рабочую доску.

— Бабушка умерла, — сказала она, прежде чем Дарья сняла пальто.

Дарья застыла у двери. Потом положила сумку на ближайший стол, не пытаясь подойти или обнять.

— Когда всё это случилось?

— Вчера. Похороны завтра. Я улетаю ночью.

— Поняла. Что сделать?

Кира повернула к ней монитор. На экране были открыты календарь и список заказов.

— Банк я закончу в дороге. Костровых перенесём на среду.

— Нет, файл ты мне отдашь.

— Что тебя здесь не устраивает?

— Банк ты не закончишь в дороге. Отдавай файл.

— Там два абзаца и согласование.

— Значит, мне будет нетрудно.

Дарья сняла пальто и повесила на спинку стула. Один белый наушник она вынула из кармана, второй оставила внутри.

— У тебя «Ланской» послезавтра, — сказала Кира. — И презентация для Белова.

— Ланского проверит Антон. Презентацию сдвинем на утро. Давай дальше.

— Я не просила разгрузить мне неделю.

— Ты вообще ничего не попросила. Ты уже распределяешь работу так, чтобы продолжать её делать.

— Потому что она должна быть сделана.

— Будет. Без твоего участия.

Дарья придвинула свободный стул, открыла ноутбук и повернула его так, чтобы видеть доску. Вместо слов о потере перед ней уже были календарь, файлы и работа, которую можно забрать себе.

Кира открыла папку банка.

— Здесь последняя версия колонки, комментарии заказчика справа. Они хотят живой голос председателя, но каждый разговорный оборот помечают как недостаточно статусный.

— Обычное дело, я разберусь.

— Не совсем. У председателя есть привычка начинать примеры с «допустим». Оставь два, иначе он себя не узнает.

— Всё это уже записала.

— У Костровых два отдельных интервью. Не показывай им черновики друг друга.

— Да, я это знаю.

— В прошлом письме они просили общий доступ.

— Письмо я тоже читала.

Кира посмотрела на неё.

— Хорошо. Белову нельзя обещать первый вариант раньше среды.

— Кира, остановись на минуту.

— Что ещё не так?

— Я управляющий редактор. Не соседка, которой ты на неделю оставляешь фикус.

На слове «неделю» внутри что-то сбилось. До этого поездка была набором действий до похорон: долететь, забрать ключи, подписать бумаги, выбрать одежду, выслушать людей, вернуться. Неделя предполагала время после. Дом после. Бабушкины вещи после того, как перестанут быть бабушкиными.

Кира взяла механический карандаш и на полях распечатанной сметы написала пароль от папки банка. Цифры получились мелкими, с одинаковым наклоном.

— Я не знаю, на сколько уезжаю.

Дарья ничего не ответила. Просто протянула руку за листом.

Кира оставила лист у себя.

— У меня обратный билет в четверг.

— Это через три дня.

— Да.

— Представь себе, я умею считать.

— Тогда зачем уточняешь?

— Чтобы ты слышала.

Кира положила карандаш. На большом пальце белел старый шрам, тонкий и почти ровный. Его оставило разбитое стекло веранды, когда ей было тринадцать. Бабушка тогда перевязала ладонь кухонным полотенцем, довезла её до врача и только вечером спросила, больно ли. Правильная последовательность: сначала остановить кровь, потом обсуждать ощущения.

Сейчас крови не было. Последовательность всё равно требовалась.

Она передала Дарье лист.

— Банк — тебе. Костровы и Белов — тоже. Антону передай Ланского, но финальное чтение сделай сама. Новые срочные заказы до четверга не берём.

— До твоегосообщения, — поправила Дарья.

— До четверга не берём.

— Если ты в четверг вернёшься, напишешь. Если нет, мы продолжим без срочных. Это не обрушит рынок личных извинений.

— Ты недооцениваешь объём накопленной вины.

— Нисколько. Я переоцениваю способность взрослых людей потерпеть двое суток.

Уголок Дарьиного рта дёрнулся, но улыбка не сложилась. Она перенесла карточки заказов на своей доске, одну за другой. После каждого движения возле имени Киры появлялось имя другого редактора. Обычно Кира требовала короткого сообщения в рабочем чате и подтверждения. Сейчас смотрела, как её неделя уместается в чужие колонки.

— Документы взяла? — спросила Дарья.

— Паспорт всегда лежит в сумке.

— А зарядку ты взяла?

— Зарядка лежит в ящике.

— Постоянные лекарства есть?

— Мне не нужны лекарства.

— Хотя бы зубная щётка?

— Там есть магазины.

— Уже лучше. Значит, цивилизацию на побережье ты допускаешь.

Кира закрыла ноутбук.

— Сначала я заеду домой.

— До вылета ты уже не успеешь.

— У меня больше трёх часов.

— В понедельник вечером.

Это была конкретика, которую следовало учесть. Кира посмотрела на время, затем на маршрут до квартиры, затем на открытую бронь. Убрала квартиру из плана.

Дарья достала из шкафа фирменную серую сумку, в которой они возили материалы на выездные интервью. Внутри лежали запасная зарядка, блокнот, ручки, салфетки и новая зубная щётка в прозрачной упаковке.

— Это рабочее имущество, — сказала она. — Вернёшь по акту.

— Вернуть тебе зубную щётку?

— Особенно щётку. У нас строгая отчётность.

Кира взяла сумку. На секунду их пальцы коснулись тканевой ручки.

— За сумку спасибо.

— Я напишу тебе завтра вечером. Отвечать не обязательно.

— Хотя бы по банку я отвечу.

— По банку я тебя заблокирую.

Дарья надела пальто и наконец убрала провод наушников в карман.

— В аэропорту тебя встретят?

— Валентина Петровна.

— Кто такая Валентина Петровна?

— Соседка бабушки. У неё кафе.

— Это уже хорошо.

— А почему это хорошо?

— Потому что «меня встретит человек с ключами и едой» звучит лучше, чем «я разберусь».

— Я не говорила «я разберусь».

Дарья подняла сумку.

— Вот это ты сейчас и делаешь. Уже разбираешься одна.

Они выключили лампу и вышли из офиса. В лифте Кира подтвердила покупку. Банк прислал код, билет загрузился в приложение, календарь предложил добавить поездку. Всё сра-

ботало с первого раза, и от этой исправности стало трудно дышать: задача, которой утром не существовало, уже имела номер, время и место у окна.

На первом этаже Дарья вызвала такси. Кира отказалась от совместной поездки и не стала объяснять, что ей нужно несколько минут без свидетеля.

— Напиши, когда пройдёшь регистрацию, — сказала Дарья.

— Ты мне не мать и не...

Кира сама оборвала фразу.

Дарья застегнула пальто.

— Не договаривай. Просто напиши.

* * *

На улице моросило, под козырьком у входа скопились курьеры, и двое из них спорили о номерах заказов так обстоятельно, будто ошибка в одной цифре могла изменить вечер. Кира отошла к стене, открыла переписку с Валентиной Петровной и отправила данные поездки; ответ пришёл почти сразу:

«Получила. В аэропорт не поеду, ночью кафе открывать. Артём встретит и привезёт. Не спорь, он сам предложил».

Кира перечитала имя, которое двадцать лет существовало без неё вполне успешно: иногда попадалось в списках контактов, однажды — в подписи к фотографии, дважды — в набранном и стёртом поисковом запросе. Теперь Валентина Петровна поставила его между аэропортом и домом, будто речь шла о простом маршруте, где следовало только назвать точку прибытия.

Кира набрала: «Я закажу машину», перечитала и стёрла целиком; во второй версии получилось: «Не надо его просить», но и она исчезла с экрана.

Пока Кира выбирала третью версию, пришло ещё одно сообщение — фотография, отправленная без пояснений.

На ладони Валентины Петровны лежал плотный конверт, пожелтевший по краям; в правом нижнем углу темнело пятно, похожее на след от чашки. Адреса не было, только имя, написанное бабушкиной рукой:

«Кире».

Под фотографией Валентина добавила: «Нашла сегодня в её комод. Не открывала. Заберёшь сама».

Кира увеличила снимок, и слово распалось на нажимы и штрихи: слишком тяжёлая первая линия, короткая перекладина, знакомое упрямое окончание. Сомневаться в почерке не приходилось; она закрыла фотографию, но конверт остался на экране уменьшенной копией.

Такси подъехало, водитель вышел проверить номер дома, а Дарья помахала из-под соседнего козырька и показала на телефон, напоминая об обещании написать. Кира открыла дверь машины, поставила на сиденье серую сумку и только тогда ответила Валентине:

«Заберу».

Глава 2

Артёма Кира узнала раньше, чем он поднял руку.

Он стоял у края почти опустевшего зала, держа сложенную куртку на локте, и смотрел в сторону выходящих пассажиров без напряжённого ожидания, словно допускал, что она пройдёт мимо. Волосы на висках тронула седина, лицо стало жёстче, а нос, сломанный ещё в школе, остался прежним. Этого хватило.

— Кира.

— Артём.

Два имени прозвучали ровно. Ни рукопожатия, ни объятия к ним не потребовалось.

Осенью 2006 года синий конверт с его почерком пришёл в московское общежитие. Кира узнала прямые буквы, положила письмо в папку с документами и не открыла. Потом конверт переехал с ней в съёмную комнату, первую квартиру и нынешнюю; теперь лежал в серой архивной коробке с надписью «Личное», которую она не открывала после последнего переезда.

— Давай сумку, — сказал Артём.

— В ней почти ничего нет.

— Это не ответ на предложение.

Он произнёс это спокойно, без прежней быстрой улыбки. Кира отдала ему серую сумку Дарьи, оставив при себе ноутбук. Артём принял такой раздел багажа без замечаний.

На улице пахло мокрым асфальтом. Кира застегнула пальто до горла и сразу пожалела, что не достала из рабочей сумки шарф; ветер находил полоску кожи над воротником при каждом шаге. Артём открыл багажник серого универсала, поставил сумку так, чтобы она не упала, и дождался, пока Кира сядет.

В машине было тепло, но радио молчало. На приборной панели горели часы, ниже лежал свёрнутый провод от наушников. Артём убрал его в боковой карман одним движением, не расправляя.

— Валентина сказала, ты забронировала гостиницу.

— Пока только до завтра.

— Я отвезу. Прощание в час, она написала адрес.

— Я ещё помню этот адрес.

— Тогда просто довезу.

Он выехал со стоянки. Кира открыла почту, увидела семь новых писем от Дарьи и закрыла, не прочитав. В темноте за окнами нельзя было понять, где закончился город: освещённые заправки и склады сменились редкими фонарями, потом на стекле осталось только отражение её лица.

— Тамара будет? — спросила Кира.

Артём проверил боковое зеркало.

— Валентина сказала, что она уехала вчера вечером.

— Я спросила не это.

— Другого я не знаю.

Кира повернулась к окну. Раньше он заполнял любую паузу — напевал обрывок песни, считал машины определённого цвета, придумывал биографии людям на остановках. Теперь умел оставить вопрос без улучшенной версии ответа. Когда он этому научился, Кира не знала.

— Она забрала документы.

— Папка у Валентины в кафе.

— Ты хорошо осведомлён.

— Елена Михайловна попросила меня помочь с домом в начале месяца. Потом Валентина попросила помочь с похоронами.

— Что значит «с домом»?

— Приехать, если снова отключится приёмник. Иногда поменять лампу на лестнице. Ничего, для чего нужен допуск.

Кира не стала уточнять, почему бабушка звонила ему, а не ей. Ответ был слишком прост: он находился рядом.

Артём включил поворотник. В его руках руль казался меньше, чем должен был; пальцы лежали свободно, без прежней привычки отбивать ритм. Кира отвела взгляд до того, как он мог это заметить.

— Валентина нашла конверт.

— Да, Валентина сказала.

— Она и тебе отправила фотографию?

— Нет. Сказала, что нашла кое-что для тебя и боится оставить в кафе.

— Чего она боится?

— Того, что к обеду о конверте узнает половина города.

Он продолжал смотреть на дорогу. Кира не улыбнулась, и фразу оставили без поправок.

Через несколько минут впереди появились первые дома Белой Дюны. Вне сезона витрины гасли рано; свет оставался в окнах над магазинами, у автобусной остановки и в круглосуточной аптеке. Кира узнавала повороты раньше вывесок, хотя дорогу расширили, а на месте старого проката велосипедов стоял тёмный трёхэтажный дом.

— «Чайка» закрыта? — спросила она.

— С воскресенья. Валентина проверяла сегодня утром.

— Ты сам заходил в дом?

— У калитки.

Он не сказал «не входил» — оставил Кире право самой понять границу. От этой аккуратности разговор становился труднее, не легче.

У гостиницы Артём достал сумку из багажника и поставил у ступеней.

— Я заеду к половине первого.

— Не нужно. Я дойду.

— Можно дойти. Но у тебя нет подходящей обуви.

Кира посмотрела на свои городские ботинки, на тёмную полосу влажного песка у входа и снова на него.

— В половине первого, — сказала она.

— Постарайся немного поспать.

— Осталось три часа.

— Тогда спокойных трёх часов.

Артём сел в машину. Кира дождалась, пока задние фонари исчезнут за поворотом, и занесла сумку в гостиницу.

* * *

В половине первого она уже стояла у входа.

Спать не получилось. Кира приняла душ, дважды переложила вещи в серой сумке, прочитала сообщения Дарьи и ответила только на одно — подтвердила, где лежит запись интервью Костровых. Чёрную блузку купила утром в магазине напротив; рукав оказался длиннее, чем нужно, и манжета закрывала половину ладони.

Артём приехал минута в минуту. На нём была тёмная рубашка без галстука и та же куртка. Он не спросил, выспалась ли она, и Кира была ему за это благодарна ровно до тех пор, пока не заметила на заднем сиденье бумажный пакет с бутылкой воды и закрытым контейнером.

— Валентина, — сказал он.

— Разумеется, кто же ещё.

У ограды кладбища машины стояли в два ряда. Колёса вдавили мокрый песок в обочину, и Кирины ботинки сразу набрали на подошвы тяжёлую серую крошку. Артём захлопнул машину и пошёл не рядом, а на полшага сзади.

Валентина Петровна ждала у калитки. На чёрное пальто она по привычке накинула белое полотенце с красной полосой и только при виде Киры сорвала его с плеча, скомкала и сунула в сумку.

— Ты всё-таки без шарфа.

Валентина обняла её быстро, прижав щекой к виску. От пальто пахло тестом и холодным воздухом. Кира успела поднять руки, но не успела решить, куда их положить; объятие закончилось само.

— Где конверт? — спросила она.

Валентина отступила.

— Здравствуй сначала.

— Здравствуй.

— В сумке. Отдам после.

Люди проходили мимо, касались Кирино локтя и называли её по имени. Одних она узнавала с опозданием, других — только по фамилиям, которые они произносили сами. Женщина в серой шляпе сказала, что Елена Михайловна была человеком редкой щедрости, и тут же спросила, будет ли Кира продавать дом. Пожилой мужчина пожал ей руку двумя ладонями и сообщил, что последний раз видел бабушку в июне, бодрой. Слово «бодрой» прозвучало предьявленным доказательством.

Кира благодарил каждого одной и той же фразой. На пятом повторе фраза перестала принадлежать ей, но работу выполняла.

— Тамара где? — спросила она у Валентины, когда рядом никого не осталось.

— Уехала в Калининград.

— Эту часть я уже знаю.

Валентина затянула молнию сумки, хотя та была закрыта.

— Она приходила утром проститься. Сказала, что на похороны не придёт.

— Почему?

— Потому что ты будешь.

Кира поправила слишком длинную манжету. Пуговица не держала ткань, и чёрный край снова сполз на ладонь.

— Как предусмотрительно.

— Нет, — сказала Валентина. — Трусливо. Но не предусмотрительно.

Артём стоял у машины, разговаривая с женщиной, которого Кира не знала. Он не смотрел в их сторону.

— Она просила что-нибудь передать?

— Нет.

Ответ оказался хуже сообщения.

Началось движение, и люди повернулись к дорожке. Дальше не было места для вопросов: кто-то подал Кире цветы, кто-то придержал створку калитки, впереди зашуршал по гравию венки в прозрачной плёнке. Она пошла вместе со всеми.

Елена Михайловна на фотографии выглядела раздражённой. Снимок сделали на веранде два года назад; бабушка не любила фотографироваться и в последний момент всегда замечала человеку с камерой, что тот стоит против света. Кира выбрала бы другой кадр. Выбирала не она.

Когда предложили сказать несколько слов, Валентина посмотрела на Киру.

— Нет, — произнесла та.

Никто не стал уговаривать. Заговорил бывший постоялец «Чайки», седой мужчина в тонком пальто. Он рассказал не историю, а три факта: однажды Елена пустила его семью на ночь, хотя свободных комнат не было; заставила утром починить сломанную ступеньку; через десять лет всё ещё помнила имя его младшей дочери. На втором факте люди опустили глаза. На третьем женщина рядом с Кирой заплакала.

Кира смотрела на бабушкину фотографию. Елена умела помнить чужих детей. Тамара, вероятно, сказала бы, что это не одно и то же. Сегодня её здесь не было, чтобы сказать.

Ветер перевернул край чёрной ленты. Артём вышел из заднего ряда, прижал ленту к венку и вернулся на место, не встретившись с Кирой взглядом.

Потом всё закончилось без ясной границы. Люди начали говорить тише, затем громче; кто-то проверил телефон, кто-то спросил у Валентины, куда ехать дальше. Кира обнаружила в своей руке мокрый стебель без цветка и положила его рядом с остальными.

Артём подошёл, когда вокруг осталось меньше людей.

— Поедем отсюда?

— Сначала поедем в дом.

— Валентина тоже собиралась.

— Я слышу, — сказала Валентина у него за плечом. — И я не собиралась. Я еду.

Она достала из сумки связку латунных ключей на выцветшей синей ленте. Металл был холодным; Кира сжала его в ладони, и самый длинный ключ лёг вдоль белого шрама у большого пальца.

Затем Валентина протянула плотный конверт с надписью «Кире». Вблизи пятно у края оказалось не круглым, а смазанным, и под бумагой возле нижнего сгиба прощупывалось что-то твёрдое.

— Открой не здесь, — сказала Валентина.

— Внутри лежит письмо?

— Если бы я знала, значит, уже открыла бы.

Кира убрала конверт во внутренний карман пальто.

— Папка с документами у меня в кафе, — продолжила Валентина. — Сегодня не трогай. Завтра заберёшь.

— Эту папку оставила Тамара?

— Да, она привезла её вчера.

— Она собирается вернуться?

— Это спросишь у Тамары.

— Ты обещала не быть телефонной станцией.

— Поэтому я ничего не передаю.

Валентина взяла Киру под локоть и повела к машине. На этот раз Кира не высвободилась.

* * *

У «Чайки» были закрыты все ставни, кроме одной на втором этаже. Левая створка отошла от стены и чуть двигалась под ветром; металлический крючок бил по штукатурке через нервные промежутки.

Кира открыла калитку длинным ключом. Песок на дорожке смешался с опавшими листьями, под ступенью крыльца застрял пустой цветочный горшок. Артём нёс серую сумку, Валентина — бумажный пакет из машины. Никто не спросил, кому что брать.

Нижний замок входной двери застрял на половине оборота.

— Приподнять и на себя, — сказал Артём.

— Я помню.

Кира взялась за ручку, потянула дверь вверх и повернула ключ. Механизм уступил с сухим щелчком.

В прихожей было холоднее, чем на улице. Пахло закрытой мебелью, древесиной и застоявшейся водой в вазе на тумбе. Кира сняла перчатку, нашла выключатель; свет зажёгся не сразу, дважды мигнул и открыл узкий коридор, стойку с шестью гостевыми ключами и ряд крючков, на которых висела только бабушкина клеёноччатая шляпа.

Валентина прошла на кухню, распахивая двери по пути.

— Я оставила воду, сыр, яйца. Суп в контейнере. Не тот, что Артём возил утром, этот свежий.

— Я не останусь, — сказала Кира. — У меня гостиница.

— А еда останется. С ней договориться проще.

Артём поставил сумку возле лестницы. Он не оглядывался по сторонам, не рассматривал покрытую простынёй мебель и фотографии на стене.

— Где приёмник? — спросила она.

— В столовой. Я забрал его на ремонт на прошлой неделе и вернул в субботу.

— Теперь он работает?

— После ремонта его не включали.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Не знаю. Я починил то, что нашёл.

Его голос оставался ровным. Кире почти хотелось, чтобы он обиделся: это вернуло бы разговор к знакомой расстановке, где она уезжает, он не понимает, оба получают свою правоту. Артём вместо этого подошёл к окну столовой и проверил шпингалет.

— Здесь рама разошлась.

Кира встала рядом. В углу веранды деревянная планка отступила от стекла, по белой краске шла тёмная трещина длиной с ладонь. На подоконнике лежала сухая древесная крошка.

— Это давно? — спросила она.

— В начале месяца было меньше.

— Насколько меньше была трещина?

— Без линейки не скажу. Но не настолько.

Кира сфотографировала трещину. Снимок вышел тёмным, и она включила вспышку. Белая полоса на секунду осветила стекло, голые ветки за верандой и их отражения рядом. Кира сразу опустила телефон.

— До дождей нужно показать тому, кто разбирается, — сказал Артём. — Я могу дать номер.

— Номер дашь мне завтра.

— Хорошо, завтра так завтра.

Никакого «если останешься». Никакого «дом без тебя пропадёт». Он предложил одно действие и оставил его ей.

Валентина принесла из кухни три чашки, остановилась, посмотрела на них и одну унесла обратно. Через минуту вернулась с водой.

— Лена спала наверху, в дальней комнате. Постель я сняла. Твои вещи в маленькой спальне остались, но там пыль.

— Моих вещей здесь нет.

— Сама посмотришь и решишь.

— Только не сегодня.

Валентина поставила стакан на тумбу.

— Тогда сегодня возьмишь папку, еду и ключи. Завтра в десять зайдёшь ко мне. Я открою раньше.

— У тебя и без меня кафе.

— Потому и откроюсь.

Кира согласилась молча. Отказ от помощи требовал больше сил, чем сама помощь, а сил оставалось мало.

Артём поднял серую сумку.

— Куда отнести сумку?

— Оставь здесь. Я вызову машину.

— Если нужно, я подожду.

— Не нужно.

Он поставил сумку точно на прежнее место.

— Тогда напиши Валентине, когда доберёшься.

— Почему написать не тебе?

Вопрос вышел быстрее, чем Кира успела проверить его назначение.

Артём посмотрел на неё. Серые глаза она помнила светлее, но, возможно, дело было в плохой лампе.

— Можно мне, — ответил он. — Если хочешь.

Валентина шумно закрыла кухонный шкаф.

— Я хочу десять минут одна, — сказала Кира.

— Это понятно, — отозвалась Валентина. — Мы как раз уходим.

Артём надел куртку. У двери задержался, проверил верхний замок и положил ключ обратно на тумбу.

— Нижний засов иногда падает сам. Если останешься допоздна, проверь перед уходом.

— Хорошо, я проверю.

Он принял ответ и вышел. Валентина обняла Киру второй раз — ещё короче, чем у кладбища, — затем вернулась на кухню, разгладила белое полотенце с красной полосой и повесила на ручку духовки.

— Здесь хотя бы чистое.

Валентина захлопнула за собой дверь.

Кира осталась в прихожей со связкой ключей в руке.

* * *

Десять минут закончились, но за машиной Кира не вызвала.

Она открыла одну ставню в столовой, вернула чашку Валентины на кухню и вылила воду из вазы. На дне остались две бурые иголки и узкая полоска известкового налёта. Холодная вода в кране сначала шла рывками, потом выровнялась; Кира вымыла вазу, поставила горлышком вниз и заметила, что делает уже третье дело после того, как собиралась уйти.

Суп остыл в бумажном пакете. Она убрала контейнер в холодильник, не проверяя запах, и поднялась на второй этаж.

Первая ступенька скрипела по-прежнему, четвёртая больше не отзывалась. На площадке стоял узкий шкаф для белья; его дверца не закрывалась из-за сложенного внутрь шерстяного одеяла. В комнате Киры покрывало лежало ровно, на столе не было ни пылинки, зато в ящике обнаружили три школьные тетради, засохший фломастер и деревянная линейка с вырезанным ножом словом «хватит». Её вещи. Валентина не ошиблась.

Кира задвинула ящик до упора.

Телефон показывал два пропущенных от гостиницы. Она набрала номер, отказалась от оставшейся ночи и положила аппарат на стол, прежде чем успела подобрать разумное объяснение. Потом открыла переписку с Артёмом. В ней не было старых сообщений: этот номер появился у неё сегодня вместе с его коротким «Я у входа».

Кира написала с первого раза:

«За мной не нужно заезжать. Я останусь в доме».

Ответ пришёл через минуту:

«Хорошо. Проверь нижний засов».

Она спустилась, проверила. Засов действительно не дошёл до паза; пришлось прижать дверь плечом. В этом не было знака, только разбухшее от сырости дерево и старая фурнитура.

На кухне Кира нашла чистую ложку, съела холодный суп прямо из контейнера и вернулась наверх с серой сумкой. Полотенце Валентины осталось на ручке духовки.

Для постели требовалось свежее бельё. Кира открыла шкаф на площадке, вынула мешавшее одеяло и увидела за ним узкую дверцу в стене. Она не помнила её. Латунная ручка потемнела, но петли поддались без скрипа.

Внутри стоял металлический ящик размером с коробку для обуви. Серую крышку пересекали две царапины, на передней стенке темнела узкая замочная скважина.

Кира поставила ящик на пол. Он оказался тяжелее, чем выглядел.

Во внутреннем кармане пальто хрустнул конверт, который отдала Валентина. Кира провела пальцем по нижнему сгибу; спрятанный под бумагой твёрдый предмет упёрся в подушечку.

Она достала конверт и положила рядом с замком.

Глава 3

В конверте лежали ключ и одно предложение:

«Сначала открой ящик. Потом решай, что делать».

Подписи не было. Бабушка считала подпись излишеством там, где почерк и повелительное наклонение не оставляли выбора.

Кира перечитала строку, проверяя, не пропустила ли продолжение. Плотная бумага внутри оказалась пустой; твёрдый предмет, который она нащупала через сгиб, был маленьким плоским ключом. На его головке кто-то процарапал цифру семь.

Металлический ящик стоял на полу возле бельевого шкафа. Ночью Кира так и не легла: принесла настольную лампу из своей комнаты, села рядом на одеяло и до рассвета занималась безопасными вещами — отвечала Дарье, составляла список документов, выясняла, кто может закрыть московский офис в пятницу. Ящик всё это время оставался в круге света.

Ключ вошёл в замок до конца. Повернулся только со второй попытки.

Под крышкой лежала сложенная вдвое кухонная салфетка. Кира сняла её и увидела семь плотных бумажных пакетов, перевязанных общей льняной тесьмой. На каждом стоял номер от одного до семи. Четыре пакета были не заклеены; из них выступали края старых конвертов. Три — третий, четвёртый и седьмой — оказались тонкими и запечатанными.

Тесьма была завязана обычным двойным узлом. Бабушка не рассчитывала, что кто-то будет любоваться сохранностью тайника: бумажные углы тёрлись друг о друга, один конверт выгнулся от сырости, на другом проступило жёлтое пятно. Только нумерация выглядела аккуратной. Первые шесть цифр Елена написала синей ручкой, седьмую — чёрной и заметно позже.

Сверху лежал лист из школьной тетради. Бабушка писала шариковой ручкой с сильным нажимом, продавив несколько строк на обороте.

«Кира.

В ящике семь дел. В четырёх внутри лежат письма. Для трёх оставила отметки: сами письма придётся найти. Я задержала их по разным причинам, потом решила, что стало поздно. Это не оправдание.

До решения о доме проверь хотя бы, можно ли найти адресатов. Чужое без необходимости не читай. Ничего за меня не обещаю. Ответа и прощения никто не обязан.

Елена».

Кира положила записку на салфетку и разгладила сгиб. Последнее предложение было самым честным. Не просьба выполнить волю умершей, не условие наследства, не красивое «исправь мои ошибки». Бабушка оставила работу, которую сама не сделала, и отдельно запретила выдавать её за благородство.

От этого соглашаться не хотелось меньше. Отказываться стало труднее.

Кира могла закрыть крышку, отдать ящик вместе с остальными бумагами и считать, что чужая переписка к ней не относится. Могла прочитать всё сразу и хотя бы понять масштаб. Оба действия были быстрыми, окончательными и поэтому подозрительно удобными.

Она вынула только первый пакет.

Первый пакет раскрылся без усилия. Внутри лежал кремовый конверт, адресованный Галине Петровне Бекетовой. Обратный адрес был написан мельче: Софья Петровна Бекетова, улица Маячная, дом семнадцать. Марки не было, почтового штампа тоже. Письмо никуда не отправляли.

Кира не стала вынимать его из бумажного кармана.

Во втором пакете лежал конверт Алексея Николаевича Орлова к Марине Алексеевне Орловой. Адрес получателя занимал две строки, ниже другой ручкой было приписано: «Не

живёт». Четвёртый и седьмой пакеты Кира отложила, не проверяя, насколько крепко держится клей.

Пятый конверт был надписан женской рукой, шестой — крупными печатными буквами. Ни одно имя ей ничего не сказало. У обоих адреса начинались с названий улиц, которых Кира не помнила.

Она пересчитала пакеты ещё раз.

Семь.

Цифра на ключе перестала быть номером замка.

Кира убрала ключ в отдельный карман серой сумки, а тесьму свернула и положила рядом с запиской. Возвращать узел на прежнее место не стала: бабушкина система хранения закончилась в тот момент, когда крышка открылась. Дальше требовалась её собственная, с фотографиями, датами и ясной границей между увиденным снаружи и прочитанным внутри.

* * *

К десяти утра кухонный стол был занят полностью.

Кира постелила на него чистую наволочку, разложила пакеты по номерам и поставила лампу так, чтобы свет падал сбоку. Снимала каждый конверт с лицевой и обратной стороны, затем отдельно — повреждения, исправления и вложенные записки, не вынимая писем. На телефоне появилась папка «Елена_7», в ноутбуке — таблица из восьми столбцов.

Номер. Автор. Адресат. Адрес. Примерная дата. Состояние. Что известно. Следующее действие.

Последний столбец Кира сначала назвала «Решение», потом исправила. Решений ещё не было.

Она внесла всё, что можно было прочесть снаружи, и оставила пустые клетки там, где требовалось открыть пакет. В третьей строке получилось пять прочерков. В четвёртой — шесть. Седьмая состояла из одного номера и пометки «запечатано Еленой».

Бумага тоже давала факты, хотя не ответы. У первого конверта надорвался правый угол; второй хранил след канцелярской скрепки, давно снятой; на пятом адрес исправляли дважды. Седьмой пакет был сложен из более плотного листа и весил меньше остальных. Кира добавила эти сведения в таблицу, не пытаясь превратить их в историю раньше времени.

Телефон завибрировал. На этот раз Кира увидела имя Тамары и не перевернула аппарат. Дождалась, пока звонок прекратится, затем продолжила фотографировать. Это не было шагом навстречу. Всего лишь изменился способ отказа.

Следом позвонила Валентина.

— Ты где? Уже десять пятнадцать.

— В доме. Нашла семь конвертов.

На другом конце что-то ударилось о металлическую поверхность. Потом зашумела вода.

— Какие именно конверты?

— Разные. Бабушка оставила записку и попросила найти адресатов.

— Лена попросила или приказала?

— Сначала приказала. В записке сформулировала осторожнее.

— Значит, долго переписывала.

Кира посмотрела на продавленные строки. Исправлений на листе не было.

— Ты вообще знала о них?

— О письмах — да. Не о семи.

— Что значит «о письмах»?

— Люди оставляли Лене записки. Просили передать, придержать, отдать при случае. В доме двадцать пять лет жили чужие люди, Кира.

— Дом принимал людей двадцать семь лет.

— Вот поэтому я и не считала.

Валентина перекрыла воду. На кухне «Чайки» стало слышно, как дребезжит незакреп-
лённая створка наверху.

— Почему она не отправила их сама?

— Если записала, читай.

— Написала «по разным причинам».

— Значит, или причин семь, или одна ей не понравилась.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Другого у меня нет. Приходи за папкой, пока я не начала кормить обедом людей,
которые завтракают после одиннадцати.

— Мне нужен человек, который помнит старые адреса.

— Я помню старые адреса.

— Ты не знаешь, что такое улица Маячная, семнадцать?

Валентина помолчала, на этот раз без посуды и воды.

— Знаю, что улицу перенумеровывали. Какой год?

— Год нигде не указан.

— Тогда нужен архив или Артём.

Кира закрыла глаза. Вчера она сама оставила ему канал связи открытым. Сегодня собира-
лась использовать его как справочную службу; последовательность получалась слишком удоб-
ной.

— Сейчас у него рабочий день.

— Представь себе, у всех работа. Позвони и спроси, когда сможет.

— Я не просила совета.

— А адрес ты у меня просила?

Валентина отключилась.

Кира открыла переписку с Артёмом. Предыдущее сообщение всё ещё заканчивалось
нижним засовом.

Она написала: «Нужна помощь со старыми адресами. Без эфира и без чтения писем.
Когда у тебя есть двадцать минут?»

Ответ пришёл не сразу. Кира успела закончить съёмку шестого пакета и перенести фото-
графии на ноутбук.

«В час. Возьму старую схему города. Двадцать минут — твоя оценка или договор?»

Кира напечатала: «Верхняя граница».

На этот раз ответом стала точка.

* * *

Артём пришёл в двенадцать пятьдесят восемь с тубусом под мышкой и пакетом из
«Слойки».

— Валентина считает, что человек, нашедший семь писем, забывает завтракать быстрее
обычного.

— Я нашла семь пакетов. Письма есть только в четырёх.

— Уже звучит хуже для эфира.

Кира отступила от двери, пропуская его в прихожую.

— Эфира для этого не будет.

— Я помню первое условие.

— Условий у меня четыре.

— За восемь минут появились ещё три?

— Не открывать пакеты. Не называть имён без моего согласия. Не искать родственников
через публичное объявление. Не обсуждать мою семью.

Артём снял куртку и повесил на свободный крючок. Рядом с бабушкиной клеёнчатой
шляпой она выглядела оставленной ненадолго, и это раздражало больше, чем должна была.

— Последнее условие относится к адресам?

— Последнее условие относится ко всему.

— Все четыре приняты.

Он не спросил, почему Кира решила, что вопрос возникнет. Поставил тубус возле стола и открыл принесённый пакет: два закрытых контейнера, хлеб и бумажные салфетки.

— Я уже ела этой ночью.

— Тогда Валентина ошиблась. Такое случается, но доказательства лучше сохранить.

Кира убрала еду на край столешницы. На столе оставила только ноутбук, бабушкину записку обратной стороной вверх и распечатанный список адресов без имён.

— Сами конверты не покажешь?

— Адресов достаточно.

Артём прочитал список, не пытаясь заглянуть за экран.

— Для двух — да. Для остальных понадобится больше двадцати минут.

— Тогда начнём с этих двух.

Он развернул на столе схему Белой Дюны. Бумага распрямилась не сразу; углы пришлось прижать солонкой, контейнером Валентины и связкой латунных ключей. На схеме были старые названия улиц, позднее исправленные синим карандашом.

— Откуда она у тебя?

— Осталась от отца. Он отмечал мастерские и гаражи, где можно было достать детали.

— Ты хранишь её ради старых адресов?

— До сегодняшнего дня — ради его почерка.

Артём ответил без паузы и сразу повернул схему к Кире. Она не нашла нейтральной реплики, поэтому занялась Маячной.

— Маячная раньше начиналась от водонапорной башни, — сказал Артём. — Потом нижнюю часть присоединили к Береговой, а дома перенумеровали.

— Семнадцать стал каким номером?

— Никаким номером не стал.

— Это снова не ответ.

— На этот раз ответ. Дома нет.

Кира подвинула к нему лист.

— Откуда ты это знаешь?

— Там несколько лет была мастерская моего отца. Потом здание разобрали. Сейчас пустой участок за магазином.

Он нашёл на схеме прямоугольник, коснулся его ногтем и убрал руку.

За прямоугольником синим карандашом тянулась стрелка к полю: «катушки, предохранители, среда». Кира прочитала надпись вверх ногами. В пятнадцать Артём жаловался, что отец записывает всё, кроме обещаний; теперь возил его схему в тубусе и мог по одной пометке восстановить назначение исчезнувшего дома.

— Кто жил там раньше?

— Комнаты сдавали. Постояльцы менялись.

— Архив регистрации?

— Возможно. Но ты просила не искать публично, а не вообще?

— Вообще искать можно. Без публикации и без обещаний.

— Тогда нужен период.

Кира посмотрела на графу «Примерная дата». Пусто.

— Его можно определить по бумаге?

— Можно приблизительно. Но это уже чтение предмета, не адреса.

— Я не просила не смотреть на бумагу.

— Ты принесла распечатку вместо конверта.

В его голосе не было насмешки. Только констатация того, как именно Кира устроила границу, и цена этой границы — пустая клетка, без которой поиск не начинался.

Она поднялась, вынула из ящика первый пакет и положила на стол внутренней стороной вниз, чтобы имена оставались закрыты.

Артём не перевернул.

Он осмотрел край конверта, форму клапана, цвет чернил. Потом спросил:

— Есть записка Елены с датой?

— Нет, даты на ней тоже нет.

— Другие конверты похожи?

— Не все конверты похожи.

— Тогда двадцати минут не хватит.

— Это я уже заметила.

Кира перевернула пакет обратно и убрала его.

Со вторым адресом оказалось проще: старое название улицы сохранилось, изменился номер дома. Артём написал рядом два варианта и номер человека, который мог помнить прежних жильцов. Третий адрес был не в Белой Дюне. Четвёртый не содержал населённого пункта. В пятом одна цифра расплылась под пятном.

— Сколько ты здесь пробудешь? — спросил Артём, не поднимая головы от списка.

— Обратный билет у меня на четверг.

— Я спросил не про билет.

— Другого срока пока нет.

Он положил ручку поперёк листа. Кира ждала возражения, но Артём только вернул разговор к конвертам:

— За день мы получим не больше двух проверяемых следов.

— Мне не нужно закончить за день.

— Хорошо. Тогда не будем выдавать догадку за след.

Кира провела курсором от графы «Что известно» к графе «Следующее действие» и ничего не внесла ни в одну.

— Ты собираешься заниматься всеми? — спросил он.

— Бабушка попросила проверить, можно ли найти адресатов.

— Это не то же самое.

— Эту разницу я знаю.

— Тогда что ты собираешься делать?

Кира посмотрела на семь строк. В первой уже было исправление, во второй — два возможных номера, в остальных сохранялись прочерки. Удобного общего решения не существовало.

— Составлю порядок поиска. Сначала те, где не нужно открывать письмо.

— Такой порядок разумный.

— Это не похвала, а ограничение.

— Кира, я сказал одно слово.

Она отодвинула распечатку.

— Двадцать минут закончились.

Артём посмотрел на часы. Прошло сорок три.

— Тогда на сегодня я пойду.

Он свернул схему, но оставил на столе лист с исправленными адресами.

— Это копия. Можешь оставить.

— За помощь спасибо.

— За карту или за то, что не спросил?

Кира подняла глаза от схемы.

— За карту и адреса.

— Хорошо, только за карту.

Он надел куртку, забрал пустой тубус и ушёл. Пакет с едой остался на краю столешницы.

* * *

Кира закончила реестр к четырём.

Семь строк заняли меньше половины экрана. Под ними оставалось пустое место, достаточное ещё для сотни писем, ошибочных адресов и людей, которые не захотят иметь с ними ничего общего.

Она прикрепила к каждой строке фотографии, записала состояние конвертов и сделала резервную копию. Бабушкину записку вложила в прозрачный файл, не складывая по старому сгибу. Семь пакетов вернула в металлический ящик, но первый оставила на столе.

В отдельном документе Кира записала правила, которые назвала Артёму. Добавила пятое: адресат вправе отказаться от письма. Шестое появилось после короткого раздумья: отсутствие ответа не разрешает искать человека через его детей, соседей или работу без новой причины. Она не знала, пригодится ли список, но без него просьба Елены слишком легко превращалась в разрешение вмешиваться.

На распечатанной схеме Артём обвёл старый прямоугольник на Маячной и провёл к полю короткую линию. Рядом его рукой было написано: «дома нет».

Кира открыла первую строку таблицы. В графе «Следующее действие» стояло: «уточнить адрес».

Она удалила два слова.

Вместо них написала: «Искать человека».

Глава 4

Первым человеком, которого Кира нашла утром, оказался не адресат письма, а покупатель дома.

Визитная карточка выпала из папки Валентины прямо в тарелку с сырниками; на обороте бабушкиным почерком было написано: «По участку. Руденко В. П. После первого дождя».

Дождь шёл с ночи, так что условие было выполнено, хотя Елена вряд ли имела в виду погоду.

— Он приходил весной, — сказала Валентина, — потом летом; Лена вывела его в сад, сорок минут слушала и не предложила даже воды.

— Бабушка умела отделять переговоры от гостеприимства.

— Тебя этому и научила, судя по лицу.

Кира перевернула карточку: «Вячеслав Павлович Руденко. Северный квартал». Должность занимала две строки, телефон — одну, но ни цены, ни согласия на встречу бабушка не оставила.

— Почему «после первого дождя»?

— Понятия не имею. Я не читала чужие записи, только складывала их в папку.

Валентина протёрла чистый край блюда. Кира убрала карточку в серую сумку.

За соседним столом сидела Ирина Вячеславовна Зорина, нотариус с улицы Рыночной. После похорон они обменялись номерами и договорились о приёме на следующей неделе; сегодня Ирина пришла в «Слойку» за кофе, оказалась втянута Валентиной в завтрак, который никто не назначал, и теперь держала чашку обеими ладонями, не притрагиваясь к папке Киры.

— Я могу сейчас объяснить общий порядок, — сказала Ирина. — Документы и заявление останутся до приёма: за столом с сырниками нотариальных действий не совершают, даже если Валентина считает иначе.

— Я считаю, людям иногда надо отвечать до девяти утра.

— Тогда отвечай за себя.

Ирина повернулась к Кире. Светлые короткие волосы ещё хранили влажные следы капюшона, голос оставался спокойным, как в их вчерашнем разговоре у кладбищенской ограды.

— Вопрос у вас о наследстве или о продаже?

— О сроке между ними, — ответила Кира.

— Хороший вопрос, который обычно задают после того, как пообещали покупателю дату.

Кира достала из сумки список документов и положила перед собой. Не перед нотариусом.

— Я ничего не обещала. Но хочу понимать, могу ли вообще обсуждать предложение.

— Обсуждать можете, подписывать что-либо без проверки я вам не советую. Свидетельство о праве на наследство по общему правилу выдают по истечении шести месяцев; раньше закон позволяет выдать его при определённых условиях, но я не стану обещать вам исключение через несколько дней после смерти наследодателя.

— Значит, конец марта.

— Обычный горизонт — да, и это не означает, что шесть месяцев можно ничего не делать: нужно открыть наследственное дело, собрать документы на дом и землю, проверить, совпадает ли то, что написано в бумагах, с тем, что существует.

Кира посмотрела на свой список: до этой фразы в нём было двенадцать пунктов, после стало одиннадцать вопросов.

— Сколько займёт первая проверка?

Ирина вынула из кармана закрытую ручку и указала ею на верхнюю строку, не касаясь листа.

— Если вы принесёте всё, что нашли, первичный перечень недостающего я дам в течение недели: не свидетельство, не разрешение на продажу и не обещание, что споров нет, а перечень.

— Неделя — ваш рабочий срок или законный?

— Мой. Закон не обязан укладываться в ваш обратный билет.

Валентина поставила перед Ириной сахарницу с таким видом, будто исправляла недостаток законодательства.

Кира открыла календарь в телефоне: вылет стоял сегодня в девятнадцать сорок, и для одного разговора с покупателем времени хватало, а для недели — нет.

— Если мне сделают предварительное предложение?

— Прочитайте, что именно вам предлагают: слова «предварительное», «намерение» и «задаток» не взаимозаменяемы. Покупателю не отдавайте оригиналы, а лучше вообще ничего не отдавайте до проверки.

— Я умею читать договоры.

— Тогда прочитаете и тот, который покажется слишком простым.

Ирина закрыла ручку в ладони. Кира добавила к «шесть месяцев» помету «обычно», а к «неделя» — «перечень, не результат».

— А записка Елены о письмах? — спросила Кира.

— Она не входит в текст завещания, который я видела. Личную просьбу не надо выполнять для того, чтобы прийти ко мне и открыть дело.

— Я не спрашивала, надо ли её выполнять.

— Знаю. Поэтому и ответила только о документах.

Ирина допила кофе, оставила на столе карточку приёма и ушла в дождь, а Валентина дождалась, пока дверь закроется.

— Хорошая женщина, — подвела она итог.

— Потому что не дала тебе вмешаться?

— Потому что попыталась. Позвони Руденко.

Кира набрала номер с визитной карточки.

* * *

Руденко приехал к одиннадцати в тёмной машине без названия компании на борту. Вышел один, в непромокаемом пальто и городских ботинках, которые перестали быть городскими после трёх шагов по садовой дорожке.

Он не стал изображать, что смотрит на дом впервые. Поздоровался, назвал себя полностью и сразу спросил разрешения пройти вдоль границы участка.

— Снаружи, — сказала Кира. — Внутрь войдём после.

— Как вам удобно.

Вячеслав Павлович был чуть выше неё, с короткими седыми волосами и тёмно-карими глазами. Говорил негромко. В руке держал тонкую папку цвета мокрого песка; капли темнели на ней и исчезали, когда он убирал её под локоть.

Кира повела его от калитки к веранде. Доска возле нижней ступени просела, по водосточному желобу вода шла через край. Руденко не комментировал ни то ни другое. Остановился там, где сад сужался между домом и дорогой, спросил, входит ли старая яблоня в границы, и записал ответ Киры: «Не проверено».

— Елена Андреевна показывала вам участок? — спросила Кира.

— Только снаружи. В июне.

— Она собиралась продавать?

Руденко закрыл папку.

— Она согласилась выслушать предложение.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет. Согласия на продажу она не давала. Отказа тоже.

Он снова открыл папку и пошёл дальше. Перед задней стеной пришлось обойти мокрую сеть для вьющихся растений. На ней остались три сухих стебля; Елена срезала всё лишнее осенью, но до этих не дошла.

— Почему вас интересует этот участок?

— Подъезд, площадь, расстояние до центра. Мы рассматриваем три площадки. Здесь можно сделать небольшой проект без высотной застройки.

— «Небольшой» — это сколько?

— До проверки я не буду называть число квартир.

— А цену участка назовёте?

— Предварительную.

Дом в его ответах отсутствовал не потому, что Руденко хотел его обидеть. В его работе здание уже относилось к расходам. Кира записала это не как моральный недостаток, а как предмет переговоров.

Они дошли до веранды. Повреждённая рама закрывалась только с нажимом; Кира толкнула её плечом и придержала, пока Руденко входил.

Внутри он снял мокрое пальто и не попросил экскурсию. Осмотрел коридор, кухню, лестницу, спросил о количестве гостевых комнат и отоплении. Кира отвечала только на то, что знала точно. Шесть комнат. Поздняя пристройка. Документы на котёл пока не найдены. Состояние кровли не проверено.

На втором этаже пахло холодной пылью и мокрой штукатуркой. Руденко попробовал открыть окно в дальней комнате, но ручка не двинулась.

— Не надо, — сказала Кира. — Я не знаю, что держит раму.

Он убрал руку.

— Поэтому я считаю землю отдельно от здания.

— А здание?

— Оно снижает предложение на стоимость разборки и вывоза. Если техническое обследование покажет, что дом можно использовать в нашем проекте, расчёт изменится.

— В какую сторону?

Руденко закрыл папку.

— Не обещаю, что в вашу.

Так отвечал человек, который не нуждался в симпатии продавца. Кира предпочитала это комплиентам старым наличникам.

В комнате Елены на письменном столе ещё лежал один конверт без адреса и стопка квитанций, которую Кира не успела разобрать. Руденко остановился у порога.

— Сюда не нужно, — сказала она.

— Тогда спустимся.

Он не заглянул поверх её плеча и не спросил, что осталось после хозяйки. Внизу достал из папки три листа, скреплённые чёрной скобой, и положил их на кухонный стол. Бумага не называлась договором. В заголовке стояло: «Предварительные коммерческие условия».

Сумма была выше той, которую Кира назначила дому ночью на глаз, и ниже числа, от которого решение стало бы автоматическим. Руденко хорошо выбрал промежуток.

— В расчёте только земля? — спросила она.

— Земля, существующие подключения и стоимость освобождения площадки. Мебель и личные вещи нас не интересуют.

— Здесь нет пункта о том, что цена сохраняется после проверки.

— Есть срок действия предложения. До восемнадцати часов двадцать первого ноября. Если площадь, границы или ограничения окажутся другими, мы пересчитаем условия.

— То есть цена сохраняется, если ничего важного не изменится.

— Да.

— Это удобная формулировка для того, кто определяет важное.

— Поэтому я принёс три листа, а не один.

Кира прочитала сноски. Никакого задатка, обязанности продать или штрафа за отказ в бумаге не было. Компания предлагала провести свою оценку документов и вернуться к разговору после оформления наследственных прав. Последняя строка сообщала, что условия не являются договором. Руденко не прятал слабость предложения; он просто назначал ей дату.

— Почему двадцать первое ноября?

— До конца года мы должны выбрать площадку. После двадцать первого останется время на вторую.

— Если я откажусь, вы купите другую?

— Если договоримся с собственником.

— Значит, вы можете уйти раньше.

— Могу. Но пока не вижу причины.

У второго участка существовал хозяин, у Киры — ещё только перспектива им стать, и оба обстоятельства работали на Руденко лучше давления.

Кира положила сверху карточку Ирины.

— Мне нужна проверка документов и состояния дома.

— Сколько времени?

— Срок назову после первичного осмотра.

— Тогда я позвоню в понедельник.

— Нет. Я сама напишу в понедельник, когда смогу дать промежуточный ответ.

Руденко закрыл папку, хотя три листа остались у Киры.

— Договорились.

— Мы договорились только о следующем контакте.

— Это я и сказал.

Он надел пальто, вытер подошвы о коврик и вышел. На нижней ступени задержался, посмотрел не на дом, а на полосу сада до дороги. Потом сел в машину и уехал.

Кира вернулась на кухню. В предложении стояли две даты: сегодняшняя и двадцать первое ноября. Она внесла обе в календарь, сфотографировала листы и отправила копии на свою рабочую почту.

Затем открыла билет.

Система предлагала перенести вылет на субботу с доплатой. Двое суток не равнялись неделе, техническому осмотру или решению о продаже. Они равнялись одному свободному дню после сегодняшнего.

Кира подтвердила обмен.

* * *

К четырём в «Слойке» освободились два столика у окна. Валентина убрала табличку с меню с дальнего и поставила на него чайник, не спрашивая, кто придёт.

Артём появился через десять минут с тубусом и двумя бумажными папками радио. Сел напротив Киры, достал вчерашнюю схему и увидел рядом с ней бумаги Руденко.

— Он уже был?

— Ты знаешь, кто?

— В Белой Дюне есть один человек, который приносит документы в папке такого цвета.

— Валентина объявляет его визиты по громкой связи?

— Нет, он два года ищет площадку ближе к центру.

Кира подвинула предложение так, чтобы Артём видел только заголовок.

— Мне предложили продать участок.

— Понятно, — сказал Артём и развернул схему, больше ничего не добавив.

Кира ждала, пока он прижмёт один угол сахарницей, другой — краем папки; Артём пришёл работать с адресами и выполнял ровно то, о чём его просили, хотя вчера это считалось преимуществом.

— И всё? — спросила она.

— А что ещё?

— Можно задать вопрос.

— Ты хочешь продать?

— Это первый вопрос, который у тебя возник?

— Нет, первый — сколько времени дал Руденко, но он уже ответил на листе.

Кира накрыла ладонью дату.

— До двадцать первого ноября.

— Значит, у тебя есть время проверить предложение.

— Ты не собираешься сказать, что дом нельзя продавать?

Артём перестал разворачивать карту.

— Нет, не собираюсь.

Ответ оказался короче подготовленного спора, и Кира убрала руку с листа.

— Почему?

— Потому что это твой дом.

— Пока ещё не мой.

— Тогда тем более не мой.

За стойкой Валентина включила кофемолку. Разговор на несколько секунд исчез в сухом грохоте. Когда шум прекратился, Артём всё ещё ждал.

— Ты здесь вырос, — сказала Кира.

— Частично, — ответил Артём.

— Твой отец чинил проводку на веранде.

— И ругался каждый раз, потому что твоя бабушка не разрешала заменить старый щит целиком.

— Тебе совсем безразлично, что здесь построят?

— Нет, не безразлично.

— Тогда разница только в том, что ты не хочешь вмешиваться?

— Разница в том, что моё «не продавай» будет стоить тебе денег, а не мне.

Кира отвела взгляд к окну. По стеклу шли две кривые дорожки воды, одна обогнала другую у нижней рамы.

— Очень взрослая позиция.

— Тебе не нравится?

— Я её не просила оценивать.

— И я не оценивал.

Он мог бы возразить резче, напомнить, что вчера Кира выдала ему четыре условия, среди которых не было разрешения распоряжаться её наследством; вместо этого Артём взял чистый лист и написал наверху: «Маячная, 17».

— Дом разобрали примерно пятнадцать лет назад, — сказал он. — Я уточнил у бывшего соседа. Кто снимал там комнаты в девяностые, он не помнит.

Кира достала из сумки два пакета, которые после разговора с Ириной упаковала в прозрачные файлы и проложила картоном, чтобы дождь не дошёл до бумаги; первый положила перед Артёмом, второй оставила возле себя.

— Теперь имена можно?

— Только эти два. И только здесь.

— Хорошо, — принял Артём.

Он прочитал адрес на первом конверте, не касаясь его.

— Софья Петровна Бекетова. Галине Петровне Бекетовой.

Фамилия в его голосе прозвучала без узнавания, и Кира зря ждала мгновенного ответа: вчерашнее «искать человека» не делало человека доступнее.

— У тебя есть способ понять дату по бумаге? — спросила она.

— Не надёжный, но можно сравнить с тем, что хранилось в доме в известные годы.

— Журналы постояльцев.

— Если Елена записывала всех.

— Она записывала оплату.

— Это не всегда одно и то же.

Кира внесла в таблицу новый источник и поставила рядом знак вопроса.

Артём указал на второй пакет.

— Там тоже старый адрес?

Она подвинула его ближе: на конверте было написано «Марине Алексеевне Орловой», в левом верхнем углу стояло имя отправителя — Алексей Николаевич Орлов.

— Адрес полный, — сказала Кира. — Но письмо вернулось с пометкой «не живёт». Сначала Бекетовы, потом Орловы.

— Почему такой порядок?

— У первого письма след ведёт сюда. У второго — неизвестно куда.

— Разумно.

— Вчера ты уже использовал это слово.

— Оно ещё подходит.

Артём переписал имена на отдельный лист, возле Орловых оставил пустую строку, а возле Бекетовых поставил короткую вертикальную черту и замер.

— Что?

Он снова посмотрел на конверт, теперь на имя отправительницы.

— Софья Бекетова.

— Ты её знаешь?

— Нет, но фамилию видел.

Артём подвинул к себе папку радио и раскрыл на первой странице, где были записаны номера архивных коробок.

— В старом каталоге «Берега» есть Бекетова.

Глава 5

Фамилия Бекетовой оказалась не в каталоге эфиров; Артём ошибся ровно на одну дверь. За первой дверью радиостанции «Берег» находились студия, тесная аппаратная и комната с двумя рабочими столами. За второй — хранилище, куда Киру не пустили. — Это не архив передач, — Полина Сергеевна Круглова придвинула к ним журнал, — а фонд материалов, которые могли стать передачами: номер двенадцать, не одиннадцать. Она поправила номер раньше, чем спросила, зачем Кире понадобилась Софья Бекетова. В журнале на её столе было записано: «Коробка 12. Проект Постояльцы. Не завершён». Ниже стояли три фамилии, среди них — Бекетова. — Артём сказал «старый каталог», — Кира нашла в журнале нужную строку. — Артём ещё не видел опись. — Но фамилию помнит, — Кира вернула журнал Полине. — Потому что ставил коробки на верхнюю полку и прочитал корешки. Это не исследование. Артём стоял у открытого шкафа с папками и не спорил. — Полина Сергеевна права. Я узнал слово, не человека. — Наконец точная формулировка, — Кира закрыла журнал. — Запишите дату. Второй раз может случиться нескоро. Полина Сергеевна перевела взгляд с него на Киру. — Вы собираетесь работать или знакомы? — Работать, — ответили они одновременно. — Тогда не мешайте мне достать коробку. Она взяла из ящика связку ключей и ушла за вторую дверь, заперев её с внутренней стороны. Кира осталась у стола с папкой Руденко, ноутбуком и билетом на завтрашний вечер. Вентиляция гудела даже в пустой студии; поверх гула из коридора приходили обрывки музыки, голос ведущей и короткие сигналы, назначение которых Кира не знала. Она не стала угадывать. Артём снял с крючка два складных стула: один поставил ей, другой оставил возле стены. — Коробку она принесёт через полчаса, — предупредил он, — возможно, через час, если найдёт неправильную подпись. — Мы можем пока определить срок. — До субботы? — Артём указал на билет. Кира открыла билет; суббота была не сроком, а следующей попыткой уехать до того, как задача станет длиннее. — Нет. До первого результата. — Это не срок, — он не взял ручку. — Ты два дня слушал, как я требую точных формулировок, и решил воспользоваться случаем? — Решил не искать семь человек без даты окончания. Кира развернула к нему календарь. Предложение Руденко действовало до двадцать первого ноября, первичный перечень Ирина обещала через неделю, технический осмотр дома пока существовал одной строкой без исполнителя. Поиск писем не помещался между этими датами и мог только идти рядом. Телефон показал два рабочих письма от Дарьи и одно уведомление о перенесённом созвоне. Кира обещала бюро отсутствовать до пятницы, потом до субботы; третья версия срока уже требовала не объяснения, а режима работы. Она набрала Дарью, не закрывая календарь. — Результат: клиент принял вторую версию, Ланской прислал три правки и одну новую задачу под видом уточнения, — сказала Дарья вместо приветствия. — Проблема: ты опять в сети. — Я останусь здесь на три недели. В белом наушнике Дарьи что-то коротко треснуло. Она не спросила почему. — Работаешь или числишься? — Работаю удалённо. Утром три часа, вечерний созвон через день. Входящие распределяешь без меня, ко мне — только правовые риски и клиенты, которые собираются опубликовать текст от моего имени. — Отпуск отменён? — В наушнике щёлкнула клавиша. — Я его не оформляла, — напомнила Кира. — Именно поэтому спрашиваю. Кира открыла расписание станции и свободные окна Артёма. До полудня в большинстве дней он был в эфире или на записи; поиску оставались послеобеденные часы, когда московское бюро уже проживало большую часть рабочего дня. — До одиннадцати я в бюро, после — здесь. Двадцать четвёртого возвращаюсь. — Записала. Если изменится, скажешь до того, как я узнаю по времени, когда ты отвечаешь. Дарья отключилась. В календаре Киры появились повторяющиеся блоки «Москва» и пустые серые окна без названия; назвать их «письма» означало бы дать семи чужим делам место рядом с оплаченной работой, и Кира всё-таки назвала. — Три недели, с сегодняшнего дня, — Кира обвела серые окна общей рам-

кой. Артём отсчитал на календаре. — До двадцать третьего октября включительно. — Двадцать один день. За это время проверяем первые два дела и не замораживаем документы по дому. — «Проверяем» — что должно получиться на выходе? — Подтверждённый адрес или подтверждённый отказ от дальнейшего поиска по каждому. — Отказ чей? — Артём остановил ручку над листом. — Мой. Если следов нет или для следующего шага надо нарушить чужую частную жизнь. — А если адресат скажет «нет»? — Это результат, а не повод искать другой вход. Артём придвинул к себе чистый лист. — Записывай, — он развернул лист к Кире. — Это твоя станция, — Кира не взяла ручку. — Правила твои, — Артём положил ручку между ними. Кира открыла документ с шестью пунктами, созданный у бабушки на кухне, добавила срок и два дела: Бекетовы и Орловы. Остальные пакеты до двадцать третьего октября оставались закрытыми и не попадали в радио, поисковые запросы или разговоры Валентины с посетителями «Слойки». — Фамилии в эфир не идут, — первым записал Артём. — И адреса, — добавила Кира вторую строку. — Содержание писем, — Артём записал третью. — Мы его не знаем. — Тем более. — Ответы слушателей принимает редакция. Мне передаёте контакт только после того, как человек разрешит перезвонить. — Мы не объявляем, что нашли адресата, если найдём. — И не сообщаем автору письма, что адресат отказался. Артём перечитал первый пункт. — Автор может быть жив. — Тогда он будет говорить сам. Я не доставляю письмо человеку, который может отнести его лично. — Это седьмое правило? — Восьмое. — Я пропустил седьмое. — Отсутствие ответа не разрешает искать через детей, соседей или работу. — Сложно будет объяснить это Валентине. — Валентине мы ничего не объясняем. Ей выдаём задачу без имён. Артём записал на полях: «Валентине — ничего». — Моё условие, — сформулировал он. — Если решишь прекратить, сообщаем одним предложением, без причины; я не продолжаю искать после него. В условии не было вопроса о 2006 годе. Кира всё равно услышала лишнее. — Сообщаю прямо. То же правило для тебя. Он дописал строку и поставил дату. Ни подписи, ни красивого названия документу не требовалось. Кира вернулась к билету. Перенос на двадцать четвёртое октября стоил дороже предыдущего и дешевле нового перелёта; она выбрала утренний рейс, оплатила разницу и загрузила новый файл. Затем открыла переписку с Тамарой. В семь двенадцать мать прислала новый вопрос: «Ты ещё в доме?» Кира написала: «Я в Белой Дюне до 24 октября. Разбираю документы Елены». Ответа ждать не стала. Положила телефон экраном вверх возле календаря. Серая полоса в рабочем календаре заканчивалась двадцать третьим октября. Следом стоял билет, а выше него — отправленная Тамаре строка с датой; срок оставался видимым, даже когда Кира переставала его произносить. * * * Текст объявления они начали с запретов. Без имён. Без адресов. Без пересказа письма. Без слов «последний шанс», «исправить ошибку» и «помирить семью». — Последние три ты добавила сама, — заметил Артём. — Они появятся, если не добавить. — У меня не появятся. — У другого ведущего. — Читать буду я. — Пока ты не назвал время эфира, это намерение, а не решение. Артём развернул клавиатуру к себе. — Тогда продиктуй версию, которую невозможно испортить. Кира начала: — «В распоряжении редакции находится запечатанное письмо, оставленное в Белой Дюне в конце девяностых годов...» — Радио не распоряжается письмом. — Верно. «В редакцию обратился человек, который хранит...» — Ты человек? — Для обезличенного текста — да. — Для слушателя это звучит так, будто письмо принёс мужчина в плаще. — Тогда предложи существительное. — Никакого существительного. «Нас попросили помочь передать старое письмо». Кира прочитала фразу с экрана. — Кто попросил? — Неизвестно, и это хорошо. — Плохо. Возникает ощущение, что автор жив и ждёт ответа. — Тогда: «На хранении у частного лица осталось старое письмо». — «Частное лицо» в эфире звучит как обвиняемый. Артём придвинул микрофон, но лампу над дверью не включил. — Слушай. Он прочитал первую строку без записи: — «Редакция Берега помогает найти адресата запечатанного семейного письма, оставленного в Белой Дюне в тысяча девятьсот девяносто восьмом году». В письменной версии год стоял цифрами. В голосе занял больше места и сразу сделал письмо старше. — Это доста-

точно конкретно. Дальше нельзя давать признаки.— Тогда позвонят все, кто терял письма в девяносто восьмом.— Сколько их будет?— Может, двое. Может, двадцать. Может, никто.— Хорошо.— Ты рада лишней работе?— Я рада, что ты не обещаешь чудо. Они оставили год и город. Убрали пол автора, родство и Маячную. Фамилии Бекетовых на экране не было. Артём отдельно записал, что редакция не станет подтверждать догадки в прямом эфире. Вторая часть получилась короче: «Если вы лично знаете историю письма, оставьте редакции имя и способ связи. Мы зададим проверочные вопросы и ничего не передадим без согласия адресата».— «Лично знаете» отсекает тех, кто слышал от родителей, — предупредил Артём.— Пусть сначала отсекает. Если не будет ответов, расширим.— «Проверочные вопросы» звучит как банковская служба.— Зато не звучит как конкурс воспоминаний.— Можно сказать «уточним детали».— Это слабее.— Это произносимо. Кира уступила «детали», но вернула «лично». Артём убрал слово «семейного» из первой строки: письмо могло быть семейным только по их предположению, пока они его не открыли. Она оставила «адресата» вместо предложенного им «того, кому оно предназначалось».— Длинно.— Точно.— В эфире это иногда разные стороны. Он прочитал весь текст ещё раз. На втором предложении не споткнулся, но перед «ничего не передадим» сделал паузу, которой на бумаге не было.— Пауза зачем?— Чтобы слышали главное.— Главное — согласие адресата.— Поэтому перед ним. Кира поставила в версии косую черту. Не знак препинания — место для вдоха.— Объявление выйдет только если коробка не даст прямого следа, и сначала я увижу финальную запись.— Да.— Звонки не пересылаются мне автоматически.— Это уже записано.— Повтори.— Звонки не пересылаются тебе автоматически. Она добавила внизу: «Разрешаю использовать обезличенную историю первого письма в согласованной записи». Поставила дату и своё полное имя. Артём не попросил подпись. Кира всё равно подписала. * * * Полина Сергеевна принесла коробку после полудня и не отдала её Артёму, который освободил стол, а сама совместила дно с потёртым прямоугольником на столешнице. На крышке было написано: «Материалы к циклу Постояльцы. В эфир не вышло». Картон прогнулся возле одного угла, бечёвку заменили широкой хлопковой лентой. Полина поставила коробку на свободный стол и сначала сверила номер с журналом.— Елена Андреевна передала это для передачи о старых гостевых домах, — объяснила она. — Передачу не закончили; здесь копии нескольких страниц журнала, карточки и записи, и ничего из коробки в эфир не выходило.— Почему проект закрыли? — спросила Кира.— Не закрыли. Перестали делать.— Это разные вещи?— Для описи — очень. Полина развязала ленту. Сверху лежали фотографии домов, затем папка с копиями и два ряда карточек, разделённых полосками картона; на первой полоске стояла буква «А». Перед началом она вписала в журнал время, фамилии троих присутствующих и номера материалов, которые собиралась вынимать. Фотографировать разрешила только на этом столе, без вспышки и без других карточек в кадре.— Для всего фонда так? — спросила Кира.— Для этой коробки. Остальные вас сегодня не касаются. Кира добавила в реестр: «Порядок доступа — по журналу Полины». Артём подписал отдельные листы номерами, а не фамилиями. Кира положила рядом свой реестр; если карточка давала только предположение, оно попадало в графу «проверить», а не «известно». Полина прочла эту строку и молча подвинула журнал ближе.— Карточки ваши? — спросила Кира.— Разные. Белые заполняли в редакции, серые принесла Елена Андреевна. Ничего не представляйте. Они разделили работу. Полина перелистывала белые карточки и читала фамилии, Кира проверяла серые. Артём выписывал номера записей, не открывая вложенных конвертов и не включая аппаратуру. Буква «Б» заняла меньше минуты: Баранов, Белова, Берестов; Бекетова стояла четвёртой. Карточка была серой, с отпечатанными полями: фамилия, год рождения, даты проживания, способ связи. Почерк Елены Кира узнала по цифре восемь, у которой верхняя петля всегда получалась уже нижней. «Бекетова Софья Петровна. 1949. Август — сентябрь 1998. Чайка». В графе «способ связи» стояло: «через Е. А.». Ни телефона, ни нового адреса.— Это карточка гостя.— Да. Елена принесла её вместе с записью. Полина указала на

нижний угол, где синим карандашом было написано «К-17»; Артём сверил номер со своим листом.— Кассета есть в описи.— Запись Софьи?— Пока неизвестно, — уточнила Полина. — В описи указано только «разговор в доме, сентябрь девяносто восьмого». Кира перевернула карточку. На обороте бабушка оставила две строки: «Письмо сестре — у меня. Не отправлять, пока не попросит». Кира положила карточку обратно на стол, не меняя её положения. Бабушка выбрала не «не отправлять», а «не отправлять, пока»; второе оставляло условие, но в коробке не было человека, который мог подтвердить его выполнение.— Есть запись о том, что Софья попросила? Полина проверила оборот следующей карточки, затем журнал коробки.— Здесь — нет.— Значит, не просила?— Значит, у нас нет такой записи. Артём провёл в своём списке линию от фамилии Бекетовой к номеру К-17. Полина перечеркнула её и вместо линии поставила вопросительный знак.— Запись связана с карточкой номером, — сказала она. — Что в ней связано с Софьей, мы узнаем только после прослушивания. Артём не стал восстанавливать линию. Подписал рядом: «связь не подтверждена». Кира открыла правила двадцати одного дня и добавила первый вопрос: «Проверить запись: просила ли Софья отправить письмо?»

Глава 6

Первое, что Артём сделал с кассетой К-17, — не включил её. Полина Сергеевна положила носитель на серую салфетку и вписала в журнал время выдачи. На прозрачном окне кассеты белой краской были обозначены две стороны, на бумажной наклейке рукой Елены стояли месяц и год: «09.98». Корпус не треснул, винты не ржавели, плёнка на вид лежала ровно. Этого хватало только для следующего шага, не для уверенности. — За края, — предупредила Полина, хотя Артём уже держал кассету за корпус. — Я помню, — Артём не изменил захвата. — Ты помнишь, пока торопишься не ты. Она не надела хлопковые перчатки, которые лежали в верхнем ящике её стола. Вчера Кира заметила их и ничего не спросила; сегодня следила за руками Полины так, словно правила доступа могли измениться между пятницей и субботой. В аппаратной было прохладнее, чем в студии. Дека занимала нижнюю полку стойки и выходила на коммутационную панель, откуда сигнал можно было направить в рабочую станцию. Рядом лежал журнал обслуживания. Артём проверил последнюю запись, осмотрел тракт, включил питание без кассеты и дождался, пока приборы закончат самопроверку. Кира села за соседний стол. Она принесла ноутбук, карточку Софьи в прозрачном файле и распечатку правил, подписанных накануне. Наверху нового документа написала: «К-17. Рабочая расшифровка. Не источник до сверки». — Что значит «не источник»? — спросил Артём. — То, что я могу ошибиться в слове. — А я? — Артём указал на себя. — Ты — во времени записи, голосе и связи карточки с кассетой. — Полина? — Кира повернула документ к ней. — В описи, — Полина коснулась журнала. Полина поставила на полях журнала три буквы: П, М, С. — Теперь каждый отвечает за свою ошибку, — сказала она. — Можно начинать. Артём вставил кассету, не перематывая её для проверки на слух. Сначала сделал неизменённый перенос: один проход, без попытки приглушить шум и без остановок ради удобной фразы. На экране появилась тонкая дорожка сигнала. Первые секунды занял ровный фон, затем где-то в старом доме закрылась дверь. Он узнал столовую «Чайки» не по звуку двери. После неё прошёл автобус, дрогнуло оконное стекло, и женщина возле микрофона сказала: — Поставьте на салфетку, стол шатается. Елена говорила моложе, но распоряжалась тем же тоном, каким через двадцать семь лет велела бы перенести таз под протечку. Артём снял один наушник и посмотрел через стекло на Киру. Она печатала. Строка «голос Елены Снегирёвой, предварительно» появилась без задержки. Следом заскрипел отодвигаемый стул. — Софья Петровна, вы разрешаете записать разговор для материалов о постояльцах? — спросила Елена. — Записать — да. В передачу моё имя не ставьте. Голос Софьи оказался ниже, чем Артём ожидал от фотографии на карточке. Не тихий, не дрожащий; человек старался говорить буднично и всякий раз оставлял слишком много воздуха перед ответом. — Почему? — ложка больше не звякала. — Потому что меня ищут, — ответила Софья. Елена не переспросила, кто. В комнате старой записи звякнула ложка. — Тогда зачем согласились? — Вы сказали, можно не про меня. — Можно. Расскажите про дом. Софья заговорила о комнате под крышей, о сквозняке возле кровати и о том, что хозяйка разрешала самой кипятить воду после полуночи. Артём не стал повышать уровень, когда её фразы ушли под шелест за окном. Перенос должен был сохранить и голос, и то, как плохо его сохранили. Кира отмечала неразобранные места прямыми скобками. Один раз подняла руку, прося остановить, но опустила, прежде чем Артём успел ответить. Правило полного первого прохода они обсудили до начала. На девятой минуте Елена спросила: — Сестра знает, где вы? — спросила Елена. — Нет, — после этого ответа запись не оборвалась. — Хотите, чтобы узнала? Пауза на записи продолжалась столько, что поверх неё успел проехать ещё один автобус. — Я хочу, чтобы Галя знала: я ушла не от неё. Пальцы Киры остановились над клавиатурой. Она не отняла рук и не повернулась к Артёму. Просто пропустила слово. На экране осталось: «Я хочу, чтобы Галя знала: я [неразб.] не от неё». Артём посмотрел на счётчик времени и записал отметку себе,

не в её документ. Слово было слышно. Три года до его переезда в Петербург Кира говорила о Тамаре только «она ушла». Не «заболела», не «оставила», не «не вернулась». Восемнадцатилетняя Кира могла менять город, профессию и фамилию в подписи, но это слово сохраняла без правок. Он мог спросить сейчас, услышала ли она. Вместо этого Артём указал на экран: — Расшифровываем дословно? Кира напечатала пропущенное. — Дословно, — Кира вернулась к клавиатуре. Запись продолжилась без повторения вопроса. — А от кого? — спросила Елена. — Это не для передачи, — отрезала Софья. — Хорошо, — Елена больше не спрашивала. Никакого второго вопроса. Елена передвинула чашку и вернулась к дому: сколько Софья собиралась прожить, кому можно сообщить, если она не придёт к ужину, нужны ли лекарства. В её голосе не было ни ласки, ни удивления. Она собирала сведения, без которых чужой человек мог исчезнуть уже из её комнаты. Артём слушал до щелчка в конце стороны. Остановил перенос, сохранил файл с номером носителя и датой, записал длительность в журнал. Только после этого извлёк кассету. — Вторая сторона? — спросила Кира. — Сначала проверяем, что этот файл открывается отдельно от станции. Он сделал контрольное чтение. Начало, середина и конец воспроизводились. Полина добавила в журнал имя файла и свой внутренний номер. Кассета оставалась на салфетке. — Теперь можно работать с копией, — Артём отодвинул исходный файл в закрытую папку. Кира ещё раз прочла строку с «ушла» и прокрутила документ ниже. — Нам нужен ответ на вопрос Елены. Она не уточнила, на какой именно. В записи их прозвучало несколько, но только один стоял в её правилах двадцати одного дня. * * * На рабочей копии Артём убрал постоянный низкий гул и сделал речь заметнее, не касаясь исходного переноса. Полина слушала первые минуты через один наушник, потом вернулась к журналам. Кира села ближе к экрану, но наушники не взяла: звук шёл через малые контрольные колонки, достаточно тихо, чтобы не выйти за дверь аппаратной. Гул отступил, но цоканье посуды и шорох дождя остались на месте: очищать старый разговор от комнаты означало бы изменить не только помехи. Вторая сторона началась не разговором, а пустой комнатой. Шаги удалялись, вода текла в раковину, кто-то дважды пытался зажечь газ. Софья появилась почти через минуту: — Вы не выключили? — спросила Софья. — Забыла, — ответила Елена. — Тогда выключите, — потребовала Софья. Щелчка не последовало. — Я могу вырезать, — сказала Елена. — А вы умеете? — в голосе Софьи впервые появилось недоверие не к теме, а к технике. — Нет. Артём умеет. Он отодвинулся от пульта. В 1998 году Елена произнесла его имя так, будто семнадцатилетний сосед обязан был уметь всё, что работало от розетки. Возможно, тогда он действительно обещал ей помочь с записью. Он не помнил кассету и не помнил проект «Постояльцы». — Это ты? — спросила Кира. — Похоже. — Ты её уже слышал? — Кира остановила расшифровку. — Если бы слышал, вчера не перепутал бы коробку с каталогом. Кира внесла в расшифровку: «упоминание Артёма Морозова; участия в записи не подтверждает». Артём прочёл своё имя дважды; оба раза рядом стояло «не подтверждает». На кассете снова сдвинули стул. — Письмо написали? — спросила Елена. — Написала, — ответила Софья без прежней паузы. — Адрес есть? — спросила Елена. — Старый. С Маячной, — Софья говорила уже дальше от микрофона. — Там Галина сейчас не живёт. — Я знаю, — посуда на этот раз не заглушила ответ. — Тогда кому отправлять? Софья вдохнула близко к микрофону. На рабочей копии этот вдох стал резче, и Артём уменьшил обработку: разборчивость не давала права превращать чужое дыхание в драматический эффект. — Никому пока. Если я позвоню, передадите Гале через Свету. Кира перестала печатать только затем, чтобы сверить карточку. — Какую Свету? — спросила Елена на записи. — Котову. Светлану Григорьевну, в Сосновом Мысе. У неё дом возле старой остановки, она рассадой торгует каждую весну. Галя ей поверит. — Телефон? — Елена придвинулась ближе. Софья назвала номер. Елена повторила его, но последняя цифра утонула в звоне посуды. — Номер всё равно старый, — сказала Кира. — И неполный, — Артём оставил рядом знак вопроса. — Посёлок и фамилия есть. Артём отметил время. Они прослушали фрагмент ещё раз без дополнительной обработки. Последняя цифра не появилась; на её месте действительно сто-

яла тарелка, которую двадцать семь лет назад положили рядом с микрофоном. Дальше Елена спросила:— Когда передавать письмо?— Я позвоню и скажу, — пообещала Софья.— А если не позвоните? — спросила Елена.— Не отдавайте, — ответ пришёл сразу.— Совсем? — Елена проверила границу просьбы.— Пока не попрошу. Этим разговор отвечал на вчерашний вопрос и одновременно оставлял его открытым. Софья сама поставила условие. Ни одна минута записи не подтверждала, что она его сняла. Кира добавила в реестр: «К-17 подтверждает просьбу удерживать письмо. Сигнал на отправку не найден». — Значит, мы должны остановиться? — спросил Артём.— Мы должны найти Галину и спросить, готова ли она принять контакт. Не письмо.— Это не одно и то же? — Артём отодвинул лист расшифровки.— Нет. Письмо пока остаётся у меня. Она может отказаться даже узнать, от кого оно.— Тогда имя Софьи при первом разговоре не называем? Кира вернулась к правилам.— Называем только посреднику, если без этого нельзя подтвердить связь. Галине — после её согласия говорить.— Светлана Котова на записи и есть посредник.— В 1998 году. Мы не знаем, кто она сейчас и имеет ли право решать за Галину. Артём открыл поиск по публичным объявлениям Соснового Мыса. Первые страницы дали расписание автобуса, продажу дров, потерянную собаку и три предложения рассады. Одно было опубликовано этой весной от имени Светланы Котовой. Фотография показывала не человека, а деревянные ящики с помидорными ростками; номер телефона стоял в самом объявлении.— Это может быть другая Котова, — Кира не перенесла номер в реестр.— Может, — Артём оставил карточку открытой. Он не открыл раздел с родственниками и не искал женщину по чужим фотографиям. Проверил только прежние объявления того же номера. За четыре года на нём продавали рассаду, яблоки и старую теплицу; адрес нигде не был указан точнее Соснового Мыса.— Имя подходит, занятие подходит, посёлок подходит, — Артём повернул экран к Полине.— Три совпадения не делают человека тем же, — ответила она. — Но позволяют задать вопрос. Кира перенесла номер в графу «проверить», не в «контакт». — Звоним со станции, — решила она. — Представляем. Не просим адрес. Не сообщаем содержание письма.— Ты вчера запретила передавать тебе звонки автоматически.— Это исходящий, — Кира придвинула телефон к нему.— Правило про чужую частную жизнь действует в одну сторону? Она закрыла крышку ноутбука на несколько сантиметров и снова открыла.— Нет. Поэтому сначала спрашиваем, она ли Светлана Котова, знакомая Бекетовых. Если нет — заканчиваем. Если да — просим передать Галине наш номер. Никаких данных о Галине.— А имя Софьи? — Артём задержал ручку над листом.— Только если Светлана подтвердит связь и спросит, кто оставил письмо. Артём записал порядок разговора на обратной стороне технического листа. Без гладких вступлений и просьбы «уделить минутку». Он не любил телефонные тексты Киры лишь тогда, когда она пыталась заранее закрыть все варианты ответа. Сейчас варианты оставались: не та женщина, не помнит, не хочет говорить, Галина умерла, Галина жива и отказывается. Последний занимал одну строку и больше всего места.— Ты позвонишь? — спросила Кира.— Номер нашли через материалы станции.— Это не ответ, — Кира развернула к нему ладонь.— Позвоню, — Артём взял лист. Она развернула к нему лист.— Сначала скажи ещё раз, только без версии для эфира. Артём прочитал своё вступление:— «Светлана Григорьевна, меня зовут Артём Морозов. Я работаю на радио Берег. В старой записи названо ваше имя в связи с семьёй Бекетовых. Я не прошу сообщать адрес или телефон Галины Петровны. Если вы знакомы, можете ли вы передать ей наш рабочий номер?» — Достаточно, — Кира не стала править текст.— Звучит так, будто вызывали на допрос? — Звучит так, будто мы понимаем предел просьбы. Полина поставила кассету в футляр, но не закрыла коробку.— Сначала закончите запись, — Полина закрыла журнал ладонью. — Чужой отказ не должен сделать последнюю минуту ненужной. Они дослушали сторону до конца. После просьбы не отправлять письмо разговор вернулся к комнате под крышей. Софья спросила, можно ли оставить чемодан до вечера; Елена разрешила до десяти и велела забрать продукты из общего холодильника. Потом микрофон задела ладонью, и запись оборвалась. Ни звонка. Ни просьбы передать письмо. Ни нового адре-

са. Артём сохранил рабочую копию отдельно от исходного переноса и перечислил в примечании всё, что менял ради разборчивости. Полина сверила оба имени файла. Кассета вернулась в футляр, футляр — в коробку, коробка пока осталась на её столе. Кира отправила расшифровку Полине для хранения в закрытой папке станции и удалила локальную звуковую копию со своего ноутбука. Текст оставила. — Теперь? — спросила она. Артём набрал номер из объявления.*

* *Женщина ответила после пятого гудка. — Слушаю. За её голосом хлопнула дверь, затем по полу проехало что-то лёгкое и пустое. Артём включил громкую связь только после того, как назвал себя и получил согласие продолжать при коллегах. — Светлана Григорьевна Котова? — Кто спрашивает? — Артём Морозов, радио «Берег». Мы нашли ваш открытый номер в объявлении о раскаде. — Раскады до февраля не будет. — Я не покупатель. — Тогда зачем по объявлению звоните? Он прочитал подготовленную просьбу не целиком. После слов «старая запись» женщина перебила: — Какая запись? — Разговор в гостевом доме «Чайка», сентябрь девяносто восьмого. В нём вас называли человеком, которому доверяла семья Бекетовых. На том конце перестал двигаться пустой предмет. — Кто назвал? Артём посмотрел на Киру. По их порядку имя можно было произнести только после подтверждения связи. Светлана её уже не подтвердила и не опровергла. — Сначала я должен убедиться, что говорю с нужным человеком. — А я должна убедиться, что вы не лезете туда, куда вас не звали. Кира написала на листе: «Не спорить». — Согласен, — сказал Артём. — Поэтому адреса и телефона Галины Петровны я не прошу. Если вы её знаете, передайте рабочий номер станции. Она сама решит, звонить или нет. — Не знаю никакой Галины. Ответ пришёл раньше, чем Светлана договорилась фамилию. Кира не внесла его в реестр. — Тогда извините за звонок. Артём потянулся к завершению вызова. — Подождите. Артём убрал руку от экрана. — Елена Андреевна умерла? — спросила Светлана. — Да. — Когда? — Двадцать восьмого сентября. В трубке прошуршала одежда. Женщина отошла от двери или села; Артём слышал только изменение расстояния до телефона. — Я не знала, — сказала она. — Галя тоже не знает. Кира перечеркнула на листе слово «не знает» и ниже написала: «Галина жива». Не факт для объявления; факт для их следующего действия. — Вы можете сообщить ей о Елене Андреевне? — спросил Артём. — Это могу. А письмо от кого? Кира приложила палец к строке их порядка. — От Софьи Петровны. Светлана не переспросила фамилию. — Нет. — Вы не хотите передавать номер? — Я не передам это имя. — Мы не просим вас передавать письмо. — Вы вообще слышали, что я сказала? Голос стал громче, но не сорвался. Светлана произносила слова отдельно, словно телефон плохо работал у них, а не у неё. Кира придвинула к Артёму новый лист: «Спросить, решение её или Галины». Он не повторил вопрос дословно. — Галина Петровна просила вас не говорить о Софье? — Просила. — Когда? — После того как ваша Елена Андреевна уже пыталась сделать добро. Лет пятнадцать назад, может, больше. Пришла к Гале, начала про сестру. Галя дверь закрыла и мне потом сказала: если ещё кто-нибудь появится, никакой помощи. — Елена приносила письмо? — Не видела. И вы не увидите Галя. — Мы готовы принять её отказ от неё самой. — Удобно придумали. Кира забрала лист и написала: «Можно передать только факт: письмо существует». Артём прочитал и положил бумагу на стол. — Светлана Григорьевна, передайте, пожалуйста, только наш номер и скажите, что у Киры Снегирёвой хранится запечатанное письмо. Имя автора можно не называть. — Снегирёвой? — Да. — Елена ей кем приходилась? — Бабушкой. — А Тамара? Вопрос вышел за пределы подготовленного разговора. Артём мог передать телефон Кире, но она не протянула руку. Сидела напротив, упершись ладонями в край стола. В записи слово «ушла» остановило её пальцы; имя матери оставило их неподвижными. — Тамара Михайловна — её мать, — ответил он. — Тогда пусть Кира Андреевна сначала в своей семье письма разберёт. Кира не убрала ладоней с края стола. Взгляд опустился на строку «Галина жива». Остальная реплика относилась к помехам. — Передадите номер? — спросил Артём. — Нет. — Сообщите о смерти Елены Андреевны? — Сообщу. — И о существовании запечатанного письма без имени автора? На другом конце снова загремели пустые ящики. Светлана, видимо, вернулась к

работе, которую прервал звонок.— Я скажу, что вы звонили.— Этого достаточно, — Артём не добавил просьбы.— Это я решу. Она ещё не отключилась. Артём ждал; Кира не подсказывала следующего вопроса.— Галя живёт здесь, — сказала Светлана. — Но адрес вам не дам. И приезжать не советую.— Понял.— Нет, не поняли. Галина Петровна не хочет слышать имя Софьи. Ни от вас, ни от меня. Вызов закончился раньше, чем Артём успел попрощаться. На экране остался публичный номер Светланы Котовой и длительность разговора. Артём не набрал его снова.

Глава 7

Светлана перезвонила на радио в понедельник, чтобы повторить отказ, но закончила разговор временем встречи.

— Я сказала Гале про Елену Андреевну и про ваш звонок, — её голос записали в журнале входящих, содержание не сохраняли. — Имя сестры не называла. Галя велела передать, что разговора не будет.

Артём ответил, что они больше не позвонят.

— Правильно, — сказала Светлана. — Если всё равно приедете, во вторник в половине второго буду у старой остановки. Адреса не дам.

Кира услышала запись разговора утром седьмого октября. Вторник уже наступил; до встречи оставалось меньше двух часов.

Обезличенное объявление для эфира она перевела из папки «согласовать» в «не выпускать». Прямой след нашёлся, а отказ посредника не давал права звать слушателей в чужую семейную историю. Затем Кира открыла металлический ящик, вынула первый пакет и проверила только две видимые строки на конверте: Галине Петровне Бекетовой, от Софьи Петровны Бекетовой.

Письмо осталось запечатанным. Кира положила его в плотную папку, папку — в сумку и закрыла ящик.

В реестре первого дела она создала отдельный лист на случай поездки. «Автор в настоящем» оставался пустым: запись подтверждала Софью в 1998 году, но не отвечала, жива ли она теперь. Ниже Кира внесла «сигнал на отправку не найден» и «адресат найден через посредника, прямого согласия нет». В последней строке стояло только «результат встречи». Она не подготовила для неё варианты заранее.

Артём ждал возле калитки. Он не спросил, успела ли она решить; увидел сумку и открыл пассажирскую дверь.

— Светлана встретит нас у остановки, — сказал он, выезжая со двора. — Дальше покажет дорогу сама.

— Если покажет, — уточнила Кира.

— Если покажет, — согласился Артём.

Они заранее договорились, что не будут запоминать номер дома, фотографировать дорогу или ставить точку на карте. Светлана согласилась привести их к Галине, а не передать координаты.

На выезде из Белой Дюны телефон Киры дважды коротко завибрировал. Ирина прислала готовый первичный перечень наследственных документов и предложила забрать его завтра после трёх. Руденко спрашивал, назначен ли осмотр состояния дома. Кира подтвердила встречу Ирине, а Руденко ответила: «Подрядчика выбираю. Дату сообщу после подтверждения».

Артём не посмотрел на экран.

— Москва? — Артём перестроился перед поворотом.

— Дом, — Кира убрала телефон экраном вниз.

— Что случилось? — теперь он перевёл взгляд на неё.

— Ничего нового. Именно поэтому требует времени.

Он принял ответ без предложения помочь. Дорога сузилась, покрытие у края стало неровным; Артём держал обе руки на руле и объезжал выбоины без резких движений. За окнами шли ограды, пустые остановки и закрытые на сезон киоски. Море отсюда не было видно, и Кира не пыталась определить его присутствие по ветру.

Она достала лист с правилами.

— Если Галина откажется, мы уезжаем.

— Да, — Артём следил за дорогой.

— Не оставляем письмо возле двери.

— Да, — на этот раз без паузы.

— Не спрашиваем соседей, когда она бывает дома.

— Да, — Артём не менял тона.

Кира перевернула лист.

— У тебя есть четвёртое «да»?

— Есть. Не объясняем человеку, почему его отказ неправильный.

— Я не собираюсь, — Кира сложила лист.

— Хорошо, — Артём не потребовал обещания.

Он не потребовал обещания. Кира убрала правила раньше, чем захотела дописать формулировку о допустимом уточнении.

В кармане папки лежал лист с тремя началами разговора. Первое объясняло происхождение письма, второе сразу называло Софью, третье предлагало Галине самой выбрать объём информации. Кира перечитала их на светофоре и зачеркнула все три; начать следовало с имени и вопроса, но без готового текста у двери она чувствовала себя менее надёжной, чем письмо, которого не читала.

На обороте Кира оставила два имени, дату и пустую строку для ответа; этот лист положила поверх папки, чтобы вынуть раньше конверта.

Старая остановка в Сосновом Мысе стояла возле развилки. Павильон заменили новым, но рядом сохранился бетонный столб с выцветшим прямоугольником прежней таблички. Светлана ждала возле него с пустыми пластиковыми ящиками, сложенными один в другой. Теперь Кира узнала звук из телефонного разговора.

Светлане было около семидесяти. Она не подошла к машине, пока Артём не назвал себя через открытое окно, и сначала заглянула на заднее сиденье.

— Письмо с вами? — Светлана указала на сумку.

— Да, — Кира придержала сумку рукой.

— Открывали? — Светлана не подошла ближе.

— Нет, — Кира не стала добавлять подробностей.

— Покажите, — Светлана протянула руку.

Кира достала плотную папку, но конверт не вынула.

— На улице не буду, — Кира вернула папку в сумку.

— Тогда зачем привезли?

— Чтобы Галина Петровна могла решить, хочет ли увидеть его.

— Она знает, что мы приехали? — спросила Кира.

— Знает, что вы можете приехать. Сказала, у двери выслушает одну минуту, потому что я попросила. Не потому что передумала.

— Одной минуты достаточно.

— Вам вчера одного «нет» было недостаточно.

Светлана посмотрела на Артёма.

— Это она всегда так отвечает?

— Когда знает, что делает, — сказал он.

— А когда не знает? — Светлана не отвела взгляда.

— Ещё точнее, — Артём закрыл окно наполовину.

Кира закрыла сумку до щелчка застёжки.

Светлана поставила ящики за остановкой и села на заднее сиденье. Адрес не назвала. На первом повороте сказала налево, у маленького магазина — направо, возле ряда низких гаражей попросила остановиться.

— Дальше пешком, — Светлана первой открыла дверь.

Кира оставила телефон в сумке. Светлана заметила это, но благодарить не стала.

* * *

Дом Галины стоял в середине короткой улицы и ничем не подтверждал, что они пришли правильно. Светлана вошла во двор первой, поднялась на две ступени и постучала костяшками в стекло двери.

— Это я, Света, — произнесла она для человека за занавеской.

За занавеской прошла тень. Дверь открылась не до конца.

Галина Петровна была ниже Светланы, с короткими седыми волосами и серыми глазами. Одной рукой она держала край двери, другой — пояс тёмного фартука. Сначала посмотрела на Киру, затем на Артёма, и оставила проход между дверью и косяком шириной с собственное плечо.

— Кто из вас Снегирёва? — Галина не вышла на крыльцо.

— Я. Кира Андреевна, — Кира осталась на нижней ступени.

— Тамары дочь? — Галина посмотрела на её волосы.

Первым вопросом могла быть Елена. Галина выбрала Тамару.

— Да, — подтвердила Кира.

— Не очень похожа, — Галина больше не сравнивала.

Кира не знала, с кем её сравнили: с матерью или с бабушкой. Уточнение не помогало делу.

— Светлана Григорьевна сказала, вы знаете о нашем звонке.

— Знаю. И ответ знаете, — Галина удерживала дверь на прежнем месте.

— Да, — Кира не сделала шага.

— Свете обещала одну минуту. Она уже идёт.

Кира посмотрела за спину Светланы. Та не уходила, а стояла у калитки, оставляя обещанную минуту Галине, не им.

Галина ждала. Дверь не открылась шире.

— У меня письмо на ваше имя, — Кира не полезла в сумку. — Оно запечатано.

— Письмо? — Галина повторила слово медленнее.

— Написано в тысяча девятьсот девяносто восьмом году.

— Я спросила, письмо? — Галина ждала другого ответа.

Кира не сразу поняла различие. Галина смотрела не на сумку, а ей в лицо.

— На конверте ваше полное имя и старый адрес.

— От кого? — ладонь на поясе фартука сжалась.

— Вы можете не разрешать мне называть автора.

— Уже приехали. Называйте.

Светлана отошла от ступеней к калитке. Артём остался рядом с Кирой, но не приблизился к двери.

— От Софьи Петровны, — Кира не понизила голоса.

Пальцы Галины сильнее стянули пояс фартука. Дверь сдвинулась на несколько сантиметров, проход стал уже.

— Нет, — Галина начала закрывать дверь.

Кира услышала слово. Подтвердила его про себя и всё равно продолжила:

— Письмо всё это время хранила Елена Андреевна. Оно не вскрыто, содержание мне неизвестно.

— Вы меня не расслышали?

— Расслышала. Я хочу отделить отказ от письма от отказа от разговора.

— Отделить? — Галина проверила её слово.

Галина повторила последнее слово без насмешки, как проверяла бы название незнакомого лекарства.

— Вы можете не брать конверт. Можете оставить его у меня. Я больше не свяжусь с вами.

— Это уже три решения вместо моего одного.

Кира взялась за ремень сумки. Край плотной папки упирался в бок; письмо оставалось внутри и не двигалось.

— Софья на записи сказала, что ушла не от вас.

Артём произнёс её имя один раз:

— Кира, — и больше ничего не добавил.

Не громче, чем называл время до эфира. Этого хватило.

Галина отпустила пояс и вытерла ладонь о фартук.

— Она ушла с нашими деньгами. Не с моими — с нашими. Я месяц ходила к двери и думала, что её нашли мёртвой. Потом пришла открытка без обратного адреса: жива, не ищи. Вот это мне передали вовремя.

Кира не знала об открытке. Не знала о месяце. Не знала, было ли слово «наши» в запечатанном письме.

— Елена Андреевна приходила к вам потом?

— Вы опять спрашиваете.

Кира закрыла рот. Галина успела прикрыть дверь ещё на ширину ладони, но остановила её.

— Приходила, — сказала она уже без вопроса Киры. — Лет пятнадцать назад. Села у Светы на кухне и начала объяснять, что Софья была в трудном положении. Я спросила, вернула ли она деньги. Елена Андреевна сказала, что речь не о деньгах. На этом мы закончили.

— Письмо было у неё? — Кира не приблизилась.

— Не знаю. Она его не показала.

Кира снова едва не спросила, что именно Елена рассказала. В правилах не было отдельной строки, запрещающей извлекать из человека историю после его отказа; её отсутствие больше не выглядело разрешением.

Галина перевела взгляд на Артёма.

— Морозов? — Галина узнавала не лицо.

— Да, — Артём развернулся к ней всем корпусом.

— По голосу узнала. Вы в субботу звонили Свете?

— Да, — подтвердил Артём.

— Зачем приехали? — Галина больше не держалась за пояс.

— Кира хотела получить ответ от вас.

— Получила? — она вернула вопрос Кире.

— Да, — Артём не смягчил ответ.

Артём не добавил, нравится ли ему ответ. Галина снова посмотрела на Киру.

— Тогда забирайте письмо.

Кира не вынимала письмо из сумки.

— Заберу, — Кира спустилась со ступени.

Она спустилась с первой ступени. Никакого правильного последнего предложения у неё не было; все варианты начинались с условия, которое Галина уже отвергла.

У калитки Кира вынула визитную карточку бюро. На обороте зачеркнула московский рабочий номер и написала личный. Ни «если передумаете», ни «это важно», ни имени Софьи.

Карточку протянула Светлане.

— Если она сама попросит.

Светлана взяла её двумя пальцами.

Дверь за спиной закрылась. Не хлопнула; просто в проёме больше не осталось Галины.
* * *

В машине Артём не включил двигатель. Светлана ушла с пустыми ящиками в сторону остановки, не попросив подвезти. Кира положила сумку на колени и держала её обеими руками.

Пока двигатель молчал, за лобовым стеклом успели пройти две женщины с пакетами и мужчина с велосипедом; никто из них не знал, зачем здесь стояла чужая машина.

— Говори, — сказала она.

— Ты обращаешься с отказом как с ошибкой текста.

— Я уточнила, от чего она отказывается.

— После «нет» ты предложила ей три улучшенные версии того же действия.

— Она не знала, что письмо закрыто.

— Теперь знает. Изменилось решение?

— Нет.

— Значит, дело было не в формулировке.

Кира поставила сумку на пол. Ремень оставил красную полосу поперёк ладони.

— Я повторила ей фразу из записи, — сказала она. — После того как она отказалась.

— Да.

— Этого не было в нашем порядке разговора.

— Не было.

Артём не превратил признание в извинение за неё. Кира ждала, что он потребует хотя бы назвать нарушение, но он оставил ей эту работу.

— Ты сам сказал, что нам нужен её прямой ответ.

— Нужен. Мы его получили.

— А потом ты отвечал вместо меня.

— Когда она спросила меня.

— Ты мог сказать, что не имеешь отношения.

— Я имею. Я привёз тебя и стоял у двери.

Артём положил ключ в углубление возле рычага, не вставляя в замок зажигания.

— Я не думаю, что ты хотела сделать ей хуже, Кира. Но после первого «нет» ты стала искать предложение, на которое она ответит иначе.

— Потому что люди иногда отказываются, не имея всех фактов.

— Имеют право.

— Даже если потом пожалеют?

— Даже тогда.

— Если клиент запрещает публиковать текст, я не публикую.

— Но можешь предложить правку?

— Пока мы обсуждаем текст.

— А после запрета?

Кира провела ногтем по краю ремня сумки.

— После запрета нет.

— Здесь было то же самое. Только без договора и оплаты, поэтому услышать следовало раньше.

— Ты доволен, что оказался прав?

Артём вынул ключ из углубления и положил на раскрытую ладонь.

— Нет. Я доволен, что дверь закрыла Галина, а не мы за неё.

Вопрос относился к Галине. Кира всё равно увидела синий конверт 2006 года в закрытой коробке московской квартиры: решение не читать, принятое без фактов, которых Артём мог туда вложить.

— Ты сейчас о письме Софьи? — спросила она.

— Да.

Кира подождала уточнения. Артём смотрел на ключ в ладони.

Кира пристегнулась.

— Мы больше к Галине не едем.

— Если она сама не позвонит.

— Это уже записано.

Артём завёл машину.

Обратно ехали другой дорогой — Светлана не сидела сзади и не задавала повороты. На первом перекрёстке телефон нашёл маршрут, но Кира не стала проверять, совпадает ли он с тем, которым их привели. Отправила Светлане одно сообщение: «Спасибо. Мы не вернёмся без просьбы Галины Петровны».

Ответа не пришло.

К Белой Дюне дождь усилился. Вода собиралась у нижней резинки пассажирского окна, и Артём на светофоре провёл по ней салфеткой, чтобы капли не стекали на обшивку. Разговор о Галине закончился раньше дороги.

Возле «Чайки» Кира вынула письмо из сумки и показала Артёму, что оно остаётся у неё.

— Завтра заберу перечень у Ирины.

— Хорошо.

— Руденко ждёт дату осмотра.

— Я помню.

Она хотела спросить, почему он помнит чужой срок, но вопрос снова требовал другой темы.

Кира вернула пакет в металлический ящик, закрыла дверцу шкафа и села работать в столовой. До вечернего созвона успела принять две правки Дарьи, отказать клиенту в срочном тексте на ночь и один раз проверить, нет ли ответа от Светланы.

В реестре напротив «результат встречи» Кира сначала написала «письмо не принято». Фраза делала конверт главным действующим лицом, а Галину оставляла за рамкой. Она заменила её: «Получен прямой отказ. Повторный контакт без инициативы Галины запрещён». Статус дела оставила открытым не ради новой попытки, а потому что письмо по-прежнему существовало.

В двадцать одну сорок позвонил незнакомый номер.

— Кира Андреевна?

Она узнала тихий резкий голос раньше имени.

— Да, Галина Петровна.

— Ваша карточка у меня.

Кира не поблагодарила Светлану вслух.

— Хорошо.

— Вы сказали, конверт не вскрывали?

— Не вскрывала.

— Софья сама его вам отдала?

— Нет. Он хранился у Елены Андреевны. Я нашла его после её смерти.

— Значит, вы не знаете, что Софья умерла.

Кира встала из-за стола. Рабочее окно осталось открытым, курсор мигал после чужого исправленного предложения.

— Не знаю.

— В прошлом году. Света нашла объявление о прощании, прислала мне. Я велела удалить.

— Оно сохранилось?

— Света пришлёт вам ссылку. Проверяйте, раз вам всё надо проверять.

Кира открыла реестр и поставила курсор в пустую строку «автор в настоящем».

До звонка эта строка была недостатком поиска; теперь в ней помещалась смерть женщины, которую Кира знала только по двадцатисемилетней записи.

— Пришлёт, — согласилась Кира.

— И не думайте, что я обещала его взять.

— Не думаю.

— Привезёте запечатанным. Достанете только при мне.

— Да.

— Завтра в одиннадцать.

— Куда приехать?

— Света встретит у остановки.

Кира ждала продолжения.

— Без Артёма Морозова, — сказала Галина.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.